

Георгий Скрипкин

Жизненные отголоски

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 82-3
ББК 84-4
С45

- Скрипкин Георгий**
С45 Жизненные отголоски / Георгий Скрипкин. — [б. м.] :
Издательские решения, 2016. — 298 с. — ISBN 978-5-4483-
4453-4

Каждый читатель найдет в новом сборнике тему, которая будет перекликаться с его восприятием жизни, с состоянием его души. Читая стихи, окрашенные простой и доходчивой рифмой, вы почувствуете его искренние переживания за судьбу малой родины и России в целом. Его любовная лирика душевна и доброжелательна. И детская тема не оставлена автором без внимания. В стихах, обращенных к детям, ощущается тонкое знание детской психологии и трогательная любовь к ним.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

**В общении
с природой**

Стрижет мороз...

Стрижет мороз последнюю листву,
Она под ноги тихо опадает.
Осенний лебедь в синей дымке тает,
Но я его обратно не зову.

Я подгоняю зимнюю метель,
Скорей укрой следы беспутной жизни.
В который раз подсел на дешевизну,
А кошелек душевный опустел.

Я оживу от скромной белизны,
Зима щедра на звездные авансы.
Кружи метель, мне нет другого шанса.
Я буду жив до будущей весны.

Снежная идиллия

Ночь накрыла плаксивую осень
Покрывалом из снежных пушинок.
Удивился я белому очень,
Были белыми даже машины.

Стало белым мое настроенье,
Даже утро представилось белым.
Я помчался во двор с упоеньем,
Удивляя всех бодрым напевом.

Окунул свои теплые руки
Я в прохладу пушистого моря.
Вырывались напевные звуки
Из открытого сердца на волю.

Утрамбованный снежный комочек
Я послал в побеленное небо.
И вложил в эти первые строчки
Свою душу и белую нежность.

Белый снег, пушистый

Пушистый снег господь послал,
Земля укрылась белизною.
И словно с чистого листа
Природа дышит новизною.

Белы дороги и кусты,
Прелестны зимние пейзажи.
У каждой пройденной версты
Свои цветные вернисажи.

Но греет душу белый цвет —
Зимы святая непорочность.
С ним добрым кажется рассвет,
И ночь становится короче.

Уводит белый цвет в мечты,
Рисует радужные дали.
В них делим счастье я и ты.
А Вы подобное видали?

Дуновение зимы

Снега нет, но иней гложет
Травы, смятые прохладой.
Ветер землю не тревожит.
Солнце в небе ярче злата.

Пруд притих под льдом прозрачным.
Жизнь кипит на хрупкой глади.
Там по льду гоняют мячик,
Здесь коньки на ноги ладят.

От коньков на свежем глянце
След хоккейный остается.
Детство светится румянцем,
Смехом в небе отдается.

Зима

Снегу нынче намело до самых крыш.
Снег под елками хозяином лежит.
Скрип по ельнику разносит из-под лыж.
Это поросль деревенская бежит.

Снег искрится, лезет в детские глаза,
Застилает их морозной белизной.
Гонят зайцев озорные голоса.
Хороводит детство с зимушкой-зимой.

Долгожданный снег

Словно волшебница мелом
Пишет на зимнюю тему.
Снег ослепительно белый
Лег на озябшую землю.

Только вчера еще слякоть,
Грязь на домах и машинах.
Так и хотелось поплакать
Над изголовьем судьбины.

Так и хотелось отдаться
В лапы хандры и печали.
Так и хотелось остаться
В склепе бездушной морали.

Но ослепительно белый
Снег — долгожданный художник,
Радует душу и тело,
Праздник несет осторожно.

Тучка моя снежная...

Тучка моя снежная, зимняя дочурка.
Скинь снежинки нежные на меня, на чурку.
Искупаюсь с радостью в снежном океане.
Никакие гадости не оставлю Тане.

Заверну красавицу в жаркие объятия.
Моего желания будет не унять ей.
И пускай завидует нам настырный месяц.
В снежное безмолвие мы умчимся вместе.

Зимою солнце...

Зимою солнце не торопится в зенит,
Оно крадется по верхушкам зданий.
Его лучи холодный снег читают,
И это чтение мою душу веселит.
Но очень короток читательский сеанс.
Скупое солнце прячется за крышей.
Теперь луна глядит с небесной ниши
На недочитанные белые снега.
Но дочитать ночная сваха не спешит,
Ей интересней встречи и свиданья.
Ее манят любовные признанья
И озорные перепевки от души.

Тайфун «Святой Иуда»

Заступник несчастных, к чему этот фарс,
Зачем ты в свой день разгулялся,
Зачем показал нам звериный анфас
И дикость безудержной пляски.

Зачем теребил океанской волной
Курортный покой побережья.
Зачем окунул пол-Европы в озноб,
Кромсая деревья в валежник,

Курочил машины и рвал провода
С усердием неистовой силы.
Неслась за тобою людская беда
И вот добралась до России.

Ты в нашей земле не услышишь фанфар
В аккордах победного марша.
Заступник несчастных, порочен твой фарс
С клеймом вихревого кошмара.

Декабрь 2005

Уж Новый год не за горами,
А снега нет и нет.
Смурной декабрь сорит ветрами,
Тревожа божий свет.

Зима пришла с осенним ливнем,
Без снежной белизны.
Жиреют тучи над заливом
В подмоченные дни.

Нева, всклокоченная ветром,
Настырно бьет гранит.
И Летний сад уставшей веткой
К себе уж не манит.

Декабрь

Декабрь пришел с обильным снегом,
То хлопья валят, то крупа.
Засилье туч в холодном небе.
Зима на солнышко скупа.

Летают юркие синички,
Хватают корм с озябших рук.
В морозный день не до приличий
И смелость краше на миру.

Такой кураж, такая смелость
Не снились даже воробьям.
Они комочками расселись
Или забились по щелям.

Хлопочут важные вороны
В утробах мусорных бачков.
А рядом нехотя, но грозно
Рычат собаки на котов.

В глазах слезливых безысходность
Моргает робкою мольбой
И вся судьба собачья схожа
С российской нынешней судьбой.

Декабрьский мороз

Снег скрипит под сапогами, душу бережит.
Ветер щеки обдувает, уши тербит.
От мороза нос краснеет, слезы на глазах.
Руки, ноги коченеют, иней на усах.

Пар клубится из подвалов стареньких домов.
Крыши будто покосились от больших снегов.
Остроносые сосульки смотрят сверху вниз.
Я для них — простая жертва, маленький каприз.

Так и целятся сосульки в голову мою.
Ну и цельтесь, ледяные, я вас не боюсь.
От домов не отступаю, лезу на рожон,
Потому что с дня рожденья богом бережен.

Непредсказуема зима...

Непредсказуема зима под Новый год.
Она, как женщина, капризна и коварна.
То кинет снегом, то дождем меня зальет,
То пустит холод, то теплом меня одарит.

То притаится в закоулках вечеров,
То вдруг зайдет по утрам свирепой вьюгой.
И превращается в один большой сугроб
Знакомый дворик опечаленной подруги.

Но разве может нашей встрече помешать
Пушистый пес, что развалился у порога.
Меня лохматый пес не сможет напугать,
Не убегу я с припорошенной дороги.

Я проберусь к тебе сквозь рыхлые снега,
Преодолею в стужу ветреный шлагбаум.
Лишь бы горела новогодняя свеча,
И ты при встрече лучезарно улыбалась.

Предновогодний ажиотаж

Тихо росла наша стройная ель
Детство свое вспоминала.
Вдруг закружилась людей карусель
Предновогоднего бала.

Первым под елку легко притрусил
Тот, что любитель природы,
Вскинул топор и слезу проглотил.
Век не видать бы свободы.

Но появился сосед-книголюб,
Чуть на поэта похожий.
Лихо припрыгал злодей-лесоруб,
Бешеный, видно по роже.

В профи-ручищах бездушный топор
Стал выколачивать щепки.
Слышно в лесу за укором, укор,
Стиль поэтический, крепкий.

Чей же ребенок водить хоровод
Будет под елкою этой.
Или без радости праздник пройдет,
Кончится песней неспетой.

И не угаснет в глазах огонек,
Душу скрести будут кошки.
Только от елки один лишь пенек,
Словно от козлика рожки.

Рождественская ночь

Рождественская ночь стучится в ставни,
Подмигивает сказочная ель.
Мороз поет медовыми устами,
Без Вас грустит озябшая постель.

Вы растворились в снежной круговерти,
И, вспоминая юные года,
Дотронулись рукой до хвойной ветки:
Скажи мне ветка, я ль ни молода.

Скажи мне ветка, я ль ни заслужила
Простого счастья в сказочную ночь.
И в тот же миг поземка отступила,
И звездный мир открылся под луной.

Январская оттепель

Вот снова оттепель слизнула липкий снег.
Земля до времени лишилась покрывала.
Ей до весны беспечно б нежиться во сне,
Но сон смахнул январский ветер задувало.

Он нес за пазухой заморское тепло,
Свистел разбойником он в трубы дымовые
И делал все тщедушной зимушке назло.
От ветра звери то ли плакали, то ль выли.

Под вой и свист, еще не взятые в полон,
Клонились в поле обнаженные березы,
А те деревья, что скупилась на поклон,
Роняли ветви и оттаявшие слезы.

Рукой безжалостной лохматились кусты
И разметались залежалые сугробы.
Земле хотелось, чтобы ветер поостыл,
А он куражился, насилуя за робость.

А он куражился, и думы о весне
Переплетались с пожеланием — дожить бы.
Как рано оттепель слизнула липкий снег,
Оставив землю без естественной защиты.

Январская слякоть

Январь по-осеннему хвор и туманен.
Туману не жаль синевы.
Прохожие в прятки играют с домами
Вдоль берега сонной Невы.

Когда в переулках осенняя слякоть,
То пасмурно в душах людей.
Душа суетливо пытается плакать
По призрачной малой беде.

От скорбной души утомляется тело.
Открыт я от пят до волос.
Тогда почему же в меня очерствелость
Летит из-под скорых колес.

Тогда почему же, облепленный грязью,
Я руку не в силах поднять,
Беседуя с богом, я мыслю о разном
И бога мне трудно понять.

Я понял бы бога, не видя печали
В глазах обреченных на мрак.
Я б с ним говорил о духовном начале,
Но грезится новый ГУЛАГ.

ГУЛАГ не на кончиках ржавой колючки,
А в жилах заводов и шахт.

И там униженья не кажутся лучше,
Там росчерком судьбы вершат.

Для пыток не нужно застенков ГУЛАГА,
Дешевле пытать на дому
Под сгорбленной тенью российского флага,
Под отблеском солнца в дыму.

Январское признание

Как хороши январские морозы
с лазурным небом и глазастым солнцем,
С гирляндой птиц на солнечной березе
и детской горкой под твоим оконцем.

Волнует грудь воздушная прозрачность.
Румянец пылкий лица украшает.
Твой поцелуй мне кажется горячим,
И ты с волненьем жар мой ощущаешь.

Мы держим путь к подножию заката,
Скрипит снежок под нашими ногами.
Скупая дрожь умчалась безвозвратно.
Свое признание говорим стихами.

Метелица

Тьма свалилась на поселок,
Снег не держится на тучах.
Стих засыпанный поселок,
Трактор стих под снежной кучей.

Ветер — взбалмошный хозяин
Зверем воем на погосте,
Без конца кресты терзает,
Словно ищет чьи-то кости

Треплет свежие сугробы,
Снегом сыплет бессистемно.
Оттого людская робость
Не суется в злую темень.

Запорошенные окна,
Занесенные подъезды,
Потерявшие дорогу
Чьи-то тайны и надежды.

Дуют ветры...

Дуют ветры, завывают злые ветры.
То ли плачут, то ли в бешенстве хохочут,
А душа моя наивно ждет ответа
И кричать от безысходности не хочет.

Станный вой ветров сравнить пытаюсь с ложью,
Но надежда замолкает не случайно.
На щеках слез нет, мне в сердце льются слезы,
Разбавляя кровь гнетущею печалью.

Ветер

Ветер-непоседа вволю порезвился,
Только на рассвете скис, утомился.
Озеро лесное дымкою клубится,
Белая береза смотрится в водицу.
Видит отраженье, будь то бы чужое.
Где мои кудряшки, где мои сережки?
Ивушка согнулась ветреною силой,
К озеру склонилась, косы замочила.
Ох уж этот ветер, северный разбойник.
Без него отрадней, без него спокойней.

Зимняя песня

День зимний короток,
закат еще короче,
Но темень радостней
от снежной белизны.
Мне темень скорое
свидание пророчит
Вечерней песней
несравненной новизны.

Поет тропинка,
припорошенная снегом
Под легкой поступью
знакомых каблучков.
Луна-проказница
посматривает с неба
На обладательницу
песенных шагов.

А в песне слышатся
счастливая готовность
И нескончаемая
радость бытия.
Любви не свойственна
унылая условность
В той белизне,
в которой только ты и я.

Унылый февраль

Февраль, февраль, какой же ты унылый.
Поблекший снег съедает ранний дождь.
Большой сугроб вчера смешной и милый,
Сегодня мглой зашторить нестерпим.

Корявых лип тщедушные страшилки
Ласкают взоры только воронью.
Оно горланит оды что есть силы
И беспокоит душу не одну.

Седая дымка мрачную картину
Рисует робким солнечным лучом.
Родной поселок кажется пустынным,
Зигзаг дороги кажется ручьем.

Хочу метель с тревожным завываньем.
Хочу мороз с полетом снегирей.
Февраль, ну вспомни зимнее призванье,
Зима, зима сегодня на дворе.

Затяжная зима

Захлебнулся прохладой я
в петербургское хмурое утро.
Мне под ноги ворчунья зима
расстелила промозглую утварь.
Ей бы, старой, уйти на покой
и не портить весенние зори,
Но цепляет корявой рукой,
ледяная, родные просторы.
И звучит под ногами ледок,
диссонансом расстроенной скрипки.
И свернулся весенний цветок
серпантинком продрогшей улитки

Дуновение весны

Оборону из снежных сугробов
заняла затяжная зима.
Порезвилась снежком на дорогах,
подбелила поземкой дома.
От снегов прогибаются крыши
и надрывно гудят провода.
Только солнце все выше и выше,
и журчит под ногами вода.
Голосят перелетные птицы,
суется у восставших берез.
У проталин резвятся синицы,
позабыв про вчерашний мороз.
Подобрили знакомые лица,
и струится открытость из глаз.
У ручьев детвора веселится,
ей весенний пейзаж в самый раз.

Прошу сегодня я весну

Прошу сегодня я весну — приди скорей,
Сотри глубокие следы беспутной вьюги.
Она довольно побесилась по округе,
Начав глумиться над землею в январе.
Дай разгуляться нынче солнечным лучам,
Согрей дыханьем ветра каждую пичугу,
Войди сияньем света в каждую лачугу,
Ручьев журчание с капелью повенчай.
Земля, проснувшись от сердечного тепла,
Цветные тайны сможет выпустить наружу.
Заголосит моя тальянка в вечера,
И закружится хоровод моих подружек.

Ранняя весна

Люблю я раннюю весну.
Еще февраль прохладой дышит,
И снег лежит на зябких крышах,
Но всюду правит новизна.

Ушла в задумчивость метель,
Лесные птицы расхрабрились.
Коты и кошки оживились.
И скромно пробует капель.

Звончей поют колокола
С вершины старой колокольни,
И гвалт детей у сельской школы
Звучит теперь на новый лад.

И рыхлый снег — хороший знак,
И ветра робкое дыханье.
Спешит обнять без опоздания
Природу ранняя весна

Распахнись душа

Распахнись душа, раззудись плечо.
Мне с Весной-красной хвори нипочем.
Мне с Весной-красной хоровод водить,
Дифирамбы петь и нектары пить.

Мне Весна-красна словно мать родна.
Под ее крылом оживаю я.
Поспеваю я за природою,
Воспеваю я свою родину.

Воспеваю я красоту земли.
Наслаждаюсь ей я без устали
С голубых озер веет свежестью,
В родниках святых воды вешние.

Я в леса иду за спокойствием,
Росяницу пью я пригоршнями.
А к полям спешу за теплом земным,
Чтобы жизнь моя счастьем наполнилась.

Мартовский мороз

Мороз вцепился мертвой хваткой
В дома притихшие и скверы.
Весна на чувства скуповата,
Да и придирчива без меры.

Ее холодное дыханье
Для вольных птиц уже не в радость.
Берез серебряные пряди
Поникли в робком ожиданье.

Который день под ярким солнцем
Искрится воздух в легкой дымке.
И все, быть может, по сезону,
По плану снежного владыки.

И, может быть, по долгу службы
Мороз вцепился мертвой хваткой.
Но в марте от февральской стужи
Под ярким солнцем мрачновато.

Непогодь

Город в промозглой дымке,
Люд, уходящий с улиц.
Лужа с последней льдинкой,
Ветер на карауле.

Камень, подобно псине,
Жметя к намокшей стенке.
Невский проспект пустынный
Кажется только тенью.

Апрельский снег

Под утро выпал снег.
Пушистым покрывалом
Укрыл, оттаявшие было, косогоры,
Присыпал улицу от дома и до школы.
И вновь весеннего тепла как не бывало.

Мне снег слепит глаза,
Выдавливая слезы.
Пускает зайчики от солнечной короны.
В гнезде, устроившись, ругаются ворона,
Пугает карканьем апрельские морозы.

Все чисто и свежо,
Но чуточку печально.
Мне слишком холодно от зимнего дыхания.
Я очень жду зеленых трав благоуханья
И настоящего весеннего начала.

Весенняя капель

Не пачкай душу мне,
Прошу, не пачкай душу.
Твоим словам сегодня
Только грош цена.
Я не хочу твои упреки
Больше слушать.
Взгляни на улицу,
По ней идет весна.

Взгляни на улицу,
Попробуй улыбнуться.
Попробуй вслушаться
В весеннюю капель.
В твоей душе удары
Капель отзовутся
И от любви тебе
Захочется запеть.

И от любви тебе
Захочется воскликнуть
В порыве нежности
Душевные слова.
Весна-проказница
Добра и многолика.
Весна-проказница
По-своему права.

Весна и одиночество

Быть может, нет для одиночества коварней,
Чем бесшабашная поющая весна.
Она пьянит мужчин и женщин без вина.
Она разводит одиночество по парам.

Теплеют чувства от весеннего дыханья.
Слезинки радости сливаются в ручьи.
В весеннем воздухе романтика звучит
И исполняются заветные желанья.

И, может быть, от человеческого счастья
Вдруг распускается зеленая листва.
Благую весть несут служители Христа,
Скрепляя здравицу волнующим причастьем.

Весеннее половодье чувств

Весна не сдерживает больше половодье чувств.
Оно в улыбках и поступках, но не в этом суть.
Весна раскрашивает чувства, вносит в них тепло,
И оттого у человека на душе светло.
Красивей свежие букеты, жарче поцелуй,
Открытей взгляды озорные, ярче солнца луч,
Нежней мелодия заката, радостней рассвет,
Еще нужнее и желанней дружеский совет.
Еще приветливей общенье, ласковой слова,
И от весеннего цветенья счастье в головах.

Нас сманила цветами весна

Нас сманила цветами весна,
Угостила теплом и безветрием,
С нетерпением хотела узнать
Про мечты и желанья заветные.

Разве можно желания скрыть,
Если бьются сердца в нетерпении,
Если страсть не дает говорить,
Если души общаются пением.

Я небритой щекой ощутил
Теплоту твоих ласковых локонов.
За несдержанность бог нас простил,
Но призвал обменяться зароками.

Весенний разбег

Юнцом врывается апрель.
Под солнцем снег увядший тает.
Капель, весенняя капель
Людские чувства пробуждает

Любовь, вздремнувшая любовь
Под пенем ветра расцветает.
Видна живительная новь
В тиши ветвей и в птичьей стае.

Ручьи ускорили свой бег.
Привносит радость их журчанье.
Весна, как чуден твой разбег,
Как велики с тобой желанья.

Весеннее возбуждение

Ай да щепки, что за щепки
Так и лезут друг на друга.
Их березовые струги
Возбудили всю округу.

Даже мрачные вороны
Расшумелись спозаранку.
Их бесхитростным стараньем
Сны пропали утром ранним.

Сны ушли и не вернулись.
Даже к полночи глубокой.
Очи кроет поволокой,
Смят в ночи кудрявый локон.

Весеннее венчание

Я венчался с тобой по весне,
В тихом парке под сенью берез.
Нам ковром был подтаявший снег,
Заалевший от сказочных роз.

Цвет заката и нежная синь
Отражались в бездонных глазах.
Легкий ветер согласие спросил
Мы объятьем ответили «да».

Дождь прошел

Лишь несколько минут тому назад
резвился дождик нудный и противный.
Но заглянуло солнце в Летний сад,
и в воздухе запахло позитивом.
Открылось небо радужным ключом,
и Ангел засветился позолотой.
Играет мальчик с солнечным лучом,
оставив маме разноцветный зонтик.
Звучит задорно песня воробьев,
деревья в лужи смотрятся игриво.
Пришла с теплом живительная новь,
и каждый житель кажется счастливым.

Солнечный пейзаж

Тучи разбежались, солнце распалилось,
Жаркими лучами землю ворошит,
Заспанные лужи лижет терпеливо,
Каждую ложбинку хочет осушить.

Гладит по загривку пегого теленка,
Делает корове солнечный массаж.
Тянутся деревья к солнечной гребенке.
Радует детишек солнечный пейзаж.

Солнечный день

Я солнечные зайчики ловлю в твоих глазах,
И день мой начинается с улыбки.
Фонтаны петербургские поют на голоса,
И Питер расцветает божьим ликом.

И Ангел с Петропавловки приветствует крылом,
Дают добро Ростральные колонны.
Я еду по Дворцовому, с зеленым повезло,
И Невский в перспективе без заслонов.

Машина устремляется за солнечным лучом
К коням, застывшим гордо над Фонтанкой.
Под нос себе мурлыкаю я песню ни о чем,
Въезжая на знакомую стоянку.

Жара в Петербурге

Кто исполнил рьяно просьбу о тепле?
Может быть, сантехник с рюмкою в челе?
Может быть, синоптик с картою в руке?
Может быть, священник с мыслью о добре?

Думает, гадает питерец в жару,
Плещется в фонтане, что карась в пруду.
Тридцать пять в тенечке — нестерпимый факт.
От жары треклятой плавится асфальт.

У людей на службе плавятся мозги,
Не видать на солнце даже мелюзги.
Даже Медный всадник просится в Неву,
Даже друг Зенита поубавил звук.

Даже кони Клодта рвутся из удил,
Даже у Поэта не хватает сил.
В общем, утомила летняя жара
Зданья и потомков самого Петра.

А лето уходит

Под нескончаемым дождем уходит лето,
Оставив робкую надежду без ответа.
Дождь барабанит по хребтам согбленных зданий,
И с крыш стекает с шумом песня увяданья.

Она бросается под ноги мокрым зверем,
И беспардонно тербит входные двери.
Она без спроса проникает в наши души.
Ее не хочется ни чувствовать, ни слушать.

Петербургский дождь

Не вдруг навис тревожно-серый купол,
И дождь по Петербургу застучал.
Кивать на невезенье было б глупо.
Погоду было б глупо поучать.

Люблю я этот дождь, хоть он и нудный,
И вдаль не разглядеть его конца.
Приветствую я Невский малолюдный
И шлепаю с улыбкою юнца.

О, боже мой, какие это лужи,
В них город отражается родной.
Казанский освежился и не тужит,
Фонтанка не показывает дно.

Величие умытой Катерины
Становится заметней и важней.
Зазывнее умытые витрины.
Красивей стать у Клодтовских коней.

Пою тебе, дождем умытый город
Под медленный дождливый перестук.
Пою о том, что ты красив и молод.
Благодарю тебя за эту красоту.

Перед заходом солнца

Дух сосновый, чуть похожий на дурман.
Даль бескрайняя любит закатом.
Забавляются береза с младшим братом.
Гладь озерную укрыл крылом туман.

За сиреневым туманом тишина,
За сиреневым туманом осень в красках.
Чернобровая девчонка строит глазки,
Ей, мечтательной сегодня не до сна.

Проплывают озорные облака.
Пролетают лебединые напевы.
И не ясно, что в них было, а что в них небыль,
Что призыв, а что кричащая тоска.

По грибы

Березка прячется под соснами,
А вот еще одна, еще одна.
Грибы не ждут дождливой осени
И мне та осень не нужна.

Иду с лукошком за маслятами.
Под елку манит боровик.
А там волнушки машут шляпами,
Под мох забился моховик.

А что сереет под березами?
А что краснеет вдалеке?
А что в траве блестит под росами?
А что расселось на пеньке?

Куда ни глянь, грибные залежи
Лисичек, рыжиков, груздей
И вдруг черника показалась мне.
Малина рдеет на кусте.

Во что же брать? Лукошко полное.
Пустым остался только рот.
Открыл я рот и, вместо полдника,
Умял из ягод бутерброд.

Бесчувственная осень

Последние ромашки отцвели.
Под ветром оголяются березы.
Крадутся петербургские морозы.
От стужи улетают журавли.

С волненьем провожаю журавлей.
Как хочется умчаться вслед за ними.
Мне осень повторяет твое имя,
Но сердцу не становится теплей.

Но сердцу не становится теплей
От сиплого осеннего дыханья.
Уйми в себе последнее желанье,
Расслабься и о прошлом не жалея.

Прости меня за то, что не Рубцов.
Прости меня за то, что не Есенин.
Я с детства поэтически весенний
И осенью любиться не готов.

Осеннее танго

Растаяли звуки осенней страды,
Веселые свадьбы играют окрест.
С волнением бьются сердца молодых,
Напутствует бог женихов и невест.

И птиц перелетных кружит караван
Над вечной красой золотых куполов.
И в воздух несется людская молва
Из искренних чувств и приветственных слов.

Не прячут деревья земной красоты,
Укутана осень фатой голубой.
Под ритмы природы, под шелест листвы
Осеннее танго танцует любовь.

Осенний ветер

Осенний ветер стелет в поле травы,
Играет реквием по летнему теплу.
Уносит в прошлое вчерашнюю золу
И будоражит чувства для забавы.

Своей рукой он треплет кроны сосен,
Срывает листья с перепуганных берез.
Не хочет слышать перепевы бабьих грез,
Что возбуждают сказочную осень.

Мы вошли в листопад

Мы вошли в листопад, в тишину Красносельского парка.
Краснощекий закат занавесили кроны берез.
Нам в промозглый октябрь от любовной игры стало жарко.
На ветвях приютился забытый букетик из роз.

Нас любовь привела в красно-желтое ложе из листьев,
Что природа смогла постелить нам осенней рукой.
Благодарен был я за шальную и нежную близость,
Не печалилась ты, что рассталась с осенней тоской.

Осенняя грусть

Любимой женщине слагаю нежный гимн.
Ищу слова в утробе палых листьев.
Наводят грусть осенние кулисы,
А в небе видятся московские огни.

Их робкий свет во мгле загадочен и чист,
В его лучах возник знакомый профиль.
Созвездье Льва обнять его не против,
А мой душевный крик теряется в ночи.

Отсвет Луны скрывает милое лицо.
Я умоляю — будь еще немного.
В который раз печалью сердце ноет.
И палец режет обручальное кольцо.

Осень бросается листьями...

Осень бросается листьями,
Ветер полощет одежды.
Только вчера были близкими,
С пафосом общей надежды.

Только вчера в небе радуга
Мне показалась фатою.
Сердце сжималось от радости,
Жизнь вдохновлялась мечтою.
Сникла любовь скороспелая,
Высох целебный источник.
Летняя песнь недопетая
Стала частичкой истории.

Осень прослезилась

Осень прослезилась, выплеснулась мгла.
Плачущее небо, мокрая земля.
Ветер скороспелый кроны теребит.
В озере водица стонет и рябит.

Желтый лист березы бьется на волнах.
Музыку печали слышно в проводах.
Мокнет у дороги чей-то тарантас.
Сжался на телеге крекер от кнута.

Скользкая дорога сбросить норовит.
Банька на деревне дымом веселит.
Брошусь я с дороги в банную купель,
Смою бездорожья жуть и канитель

Неоднозначная осень

Осень укрыла землю
ярким ковром из листьев.
Шлет дождевое зелье
дальним краям и близким.
Кто-то дивится краскам,
кто-то ворчит на дождик.
Кто-то читает сказку,
кто-то журит прохожих.
Кто-то расправил плечи,
кто-то завял от скуки.
Осень кого-то лечит,
осень кого-то мучит.

Осень в Горелово

За окошком не дождь и не снег,
За окошком унылая осень.
Ветер рвет красно-желтую проседь,
Восседая на диком коне.

Конь копытами бьет по листве,
Что с деревьев под ноги ложится.
Листьям желтым недолго кружиться
Под там-там оголенных ветвей.

А свинцовая серость небес
Залезает в озябшую душу
И пытается сердце прослушать
Без тепла и согласия без.

Город Павловск

Ах, город Павловск — райский уголок.
Люблю бродить в бескрайней неге парка.
Здесь от красы в любое время жарко,
А шелест листьев — поэтичный слог.

Здесь даже ярче утренний восход,
Здесь я дышу лирической рифмой
И слышу ветра песенные ритмы.
Под них березы водят хоровод.

Ручные белки прыгают с дерев,
Манят к себе пушистыми хвостами,
Мелькают птиц приветливые стаи.
Какая прелесть Павловск в сентябре.

Цвет зари у осени

Цвет зари у осени, красно-желтый цвет.
Листьев палых россыпи — холода привет.
Потянулись нехотя к югу косяки,
Палестины жаркие очень далеки.

Вот летит под облаком лебединый клин.
Грусть — печаль прощальная слышится с земли.
И земля печалится, глядя в небеса.
Клин под серым облаком — увяданья знак.

Только ель по-прежнему радости полна.
Стройная, зеленая издали видна.
Белка любопытная скачет по ветвям,
Ей цветастым ковриком — палая листва.

Бабье лето

Зря говорят, что наши женщины грешны.
Безгрешность осень подтверждает бабьим летом.
В нее мужчины проезжают без билета,
Преображаясь от осенней новизны.

А новизна в ее приятной желтизне,
В притихшей зелени под сполохом багрянца,
В туманном таинстве без пафосного глянца,
В волшебном золоте доверчивой казны.

Ах, бабье лето, как деньки твои красны,
Как хороши твои осенние одежды,
Как восхитительна проснувшаяся нежность.
Зря говорят, что наши женщины грешны

Перед заходом солнца

Дух сосновый, чуть похожий на дурман.
Даль бескрайняя любит закатом.
Забавляются береза с младшим братом.
Гладь озерную укрыл крылом туман.

За сиреневым туманом тишина,
За сиреневым туманом осень в красках.
Чернобровая девчонка строит глазки,
Ей, мечтательной сегодня не до сна.

Проплывают озорные облака.
Пролетают лебединые напевы.
И не ясно, что в них было, а что в них небыль,
Что призыв, а что кричащая тоска.

Уводит в осень

Уводит в осень листопад,
уводит в осень.

А я весеннюю люблю
с глазами в просинь.

А я весеннюю тебя
возьму с собою
И отогреюсь на ветру
твоей любовью.

И будет желтый листопад
любовным ложем.
Захочет дождь нам помешать,
но он не сможет.
Нас будут птицы приглашать
из-за тумана.
И мы уйдем с тобой на крик
к далеким странам.

Туда, где неба синева
резвится в море,
Где виноградная лоза
спешит на взгорье,
Где нас не сможет разлучить
златая осень.
Там будем только я и ты
с глазами в просинь.

Созвездие чувств

Ах, как хочется

Ах, как хочется мне любить,
Ах, как хочется быть любимым,
Чтобы вместе с любимой быть
Мне частичкою неделимой.

Чтобы вместе одним лучом
Любоваться, проснувшись утром.
Чтобы счастье одним ключом
Закрывать от сварливых шуток.

Чтобы пить эликсир любви,
Не спеша уходить из дома.
Чтобы больше не делать вид,
Что горю от чужой истомы.

Береги любовь

На верность чувств любовь не стоит проверять.
В глаза любви не стоит впрыскивать сомненья
И с нетерпением копать в куче мнений,
Пытаясь правду от наветов отделять.

Любовь застенчива, ранима, как дитя.
И, как дитя, она чиста и беззащитна.
Ей нелегко дается проза нашей жизни,
Когда решиться нужно с чистого листа.

Так береги любовь от подлости людской,
Сопровождай ее приветливой улыбкой,
Чтоб сад доверия расцвел под божьим ликом,
И страсть любви писалась нежною рукой.

О, господи!

О, господи! За что наслал мученья
В обертке неоправданных придинок,
В обойме незаслуженных упреков,
Во взгляде, переполненном презреньем.
За что в душещипательных беседах
Любовь моя бесследно растворилась,
Поникли нераскрывшиеся чувства,
Застенчивость сковала мои губы
И сердце, выворачивая ребра,
Пытается покинуть мое тело.

О, господи! Прости мне прегрешенья,
Которых никогда не совершал я.
Позволь стряхнуть словесные оковы,
Неправдою связавшие мне руки,
Найти хотя бы робкую улыбку
Под маской обесцененных страданий,
Услышать ободряющее слово
С акцентом возрождаемой надежды
На трудное, но праведное счастье.
И большего мне, господи, не надо.

Боготворю я женщину

Я женщину, под сердцем у которой
Росточек жизни будущей проклюнул,
Боготворю, и нежно воспеваю
Ее порыв, дающий вдохновенье
Не только мне, но каждому живому.
Росточек жизни трепетный и нежный
Еще не виден в женственной утробе,
И только взгляд, светящийся лукавством,
Мне выдает заветное начало.
Он озаряет тихую окрестность
Целебным светом жизненной константы.
Звучит константы эхо в каждой песне.
И вижу я константу в каждом танце.

Моим любимым женщинам

Я преклоняю перед женщиной колено,
Снимаю шляпу перед женщиною я.
Все в этом мире или временно, иль тленно,
И только женщина — константа бытия.

И только женщина — вершина мироздания,
Источник мудрости, хранительница грез.
Сегодня милое и хрупкое создание,
А завтра озеро из выплаканных слез.

А завтра птица, улетающая в вечность
Или виденье, проходящее на миг,
Или застенчивое, тихое: «наверно»,
Или надрывный и настойчивый каприз.

В ее хранилище и нежность, и бунтарство,
Слепая преданность и ревность без причин,
Чуть-чуть открытости, немножечко коварства,
И бездна страсти для обласканных мужчин.

И, без сомненья — это лучшее творенье
Родимой матушки по имени «Земля».
Я преклоняю перед женщиной колено,
Снимаю шляпу перед женщиною я.

Мой милый автор

Лукавых глаз изумрудный омут,
Младых кудрей золотая россыпь.
Сестра порока и дочь истомы,
Бесценный автор любовной прозы.

Я восхищаюсь твоим искусством,
Мне так приятны ночные чтенья.
В них прелесть веры и боль искуса,
Сплетенье тайны и откровенья.

В них нежный шепот и крик восторга,
Журчанье ласки и рокот страсти.
Душа смеется, иль тихо стонет,
А сердце просит большого счастья.

Мой нежный ангел

Мой светлячок! Мой нежный ангел!
Ну, почему так грустно мне
Смотреть на слезы увяданья,
На шепот, выползший извне.

Не тереби кудрявый локон,
Открой мне глаз голубизну.
Ласкай меня хотя бы словом,
Хотя бы видом на весну.

Смахни застывшую слезинку,
Расправь морщинку на челе,
И наша общая грустинка
Растает в солнечном тепле.

В Сокольниках

Что за чудо приветливый парк.
Что за прелесть небесная радуга.
И глаза у гуляющих пар
Как цветные источники радости.

И таинственный шелест листвы
Вдохновляет влюбленных на подвиги.
Кто-то рвется в небесную высь,
Кто-то стелет цветы милой под ноги.

Ты невольно замедлила шаг,
Прикоснулась рукою до проседи,
И твои голубые глаза
Засветились решительной просьбою.

И тогда в этот благодный день
На тенистой аллее Сокольников
Разнеслось в лучезарную звень:
Я люблю тебя, милое Солнышко.

Даритель счастья бескорыстный...

Даритель счастья бескорыстный,
подруга нежная моя.

В твоих глазах созвездье истин,
Как ясно солнышко твой взгляд

Прижмись ко мне, моя родная,
Прими сердечного тепла.

Не встать разлуке между нами
Пока мечта у нас светла.

Пока любовные фанфары
Звучат в душевный унисон.

И видит бог, какая пара
К нему стремится на поклон.

Елене

Елене нежной и красивой,
Елене милой и родной
Дарю в стихах источник силы —
Любовь, изведенную мной.

Я ей дарю букетик рифмы
С простой, но чувственной строкой.
Дарю ноктюрн сердечных ритмов
Надежной ласковой рукой.

Еще дарю, а впрочем, хватит
Вещать секреты февралю.
Впитав советы звездной свахи,
Всего себя я ей дарю.

Я не знал...

Я не знал, что есть такая бездна чувств
И не верил в чудодействие любви,
А сегодня на край света за ней мчусь
И прошу продлить мгновенье у судьбы.

Я смотрю в ее веселые глаза
И читаю в них ответную любовь.
В них играет ласка цвета бирюза,
От которой будоражит в жилах кровь.

От которой начинает петь душа,
Распирает грудь сердечное тепло.
Дай мне боже не ступить неверный шаг.
И тогда мне в этой жизни повезло.

Я не умел...

Я не умел писать сонеты
И не ласкал подруг стихами.
Но оголились мои нервы,
Когда стрельнула ты глазами.

Вдохнув весеннего задора,
Подобно бойкому гусару,
Я гарцевал, вонзая шпоры
В бока унылому Пегасу.

Я гарцевал и восхищался
Теплом загадочной улыбки.
В твоей красе я видел счастье,
И это счастье стало близким.

Когда придет к тебе любовь

Когда придет к тебе любовь в порыве страсти,
Прими ее не только телом, но душою.
Укутай давшую любовь волною счастья
И ей о чувствах Расскажи напевным слогом.

Бутону нежному не нужно слишком много.
Его от стужи береги своим дыханьем,
Любовью грей не виртуальной, а земною
И не скупись хвалить его очарованье.

Росинку верности не пачкай подозреньем,
Она сверкнет в ночи и скатится слезою.
И не поможет ласка позднего прозренья,
И будет песня про любовь не по сезону.

Любимой

Я налью тебе звону колокольную чашу,
Разгоню по оврагам легковесный туман
И открою дорогу к терпеливому счастью,
И накинута оковы на слащавый обман.
Я утру твои слезы лепестками ромашки
И вплету в твои косы тонкий солнечный луч.
Удивленные звезды в полночь в небо помянут,
И, оттаяв в объятьях, ты шепнешь мне: «люблю».
Мы на ангельских крыльях унесемся в блаженство.
Я отдам без остатка страсть, что прежде копил,
И проснется от спячки заскучавшая нежность,
Потому что безумно я еще не любил.

Любовь

Но разве есть альтернатива
Святой и искренней любви.
Когда фонтаны позитива,
Когда мелодия в груди.

Когда счастливая улыбка
Не сходит с доброго лица.
Когда не видятся ошибки,
И чувства с чистого листа.

Когда влюбленными глазами
Глядишь на раннюю Весну.
И день резвится с чудесами,
И ночь уводит не ко сну.

Когда впиваются губами
В приятный шопот ждущих губ.
Когда теряет силу память,
И лишь эмоции влекут.

Когда сливаются в объятьях
Два страстных тела, две души.
И нет той силы, чтоб разнять их,
И стоны рвутся из груди.

И прелесть нового зачатъя
С небесной сини видит бог.
Дите, какое это счастье,
Какая песня про любовь.

Любовь и ненависть

Любовь и ненависть — меж ними бесконечность.

Так думал я порой с наивностью глупца.

Свою любовь дарил и искренне, и нежно

И был похож в любви на страстного юнца.

Я воспевал любовь в лирических куплетах

И пил нектар любви с твоих зовущих губ.

Я освещал тебя своим любовным светом

Вбирал в себя твою нахлынувшую грусть.

И, видя в снах твою красивую улыбку,

Я просыпался под счастливою звездой.

Не жги мосты, не делай глупую ошибку,

Нельзя, чтоб ненависть висела над тобой.

Любовь, которую я ждал

Елене посвящается

В житейских буднях с видом на закат
Я встретил Вас без веры во взаимность.
Скрывал румянец греческий загар,
И был похож наш бред на пантомиму.

Я восхитился вашей красотой,
Добавил в спешке пару комплиментов,
И пригласил на ужин, на простой,
Под тихий блюз в моих апартаментах.

Мне не забыть тот вечер никогда,
Точнее ночь в божественном угаре.
Куда девались мысли о годах
И тусклый взгляд с намеками на старость.

Я благодарен Вам за эту ночь,
За ту любовь, что Вы в меня вселили.
Я с той поры мечтаю об одном,
Чтоб мы в любви и верности прожили.

Мечта сбудется

Восхищаясь твоей красотой,
Провожая восторженным взглядом,
Я мечтаю сегодня о том,
Чтоб шагали по жизни мы рядом.

Я пойду за своею мечтой,
И от срасткой любви не устану.
Светлый день, я уверен, придет,
Светлый день, я уверен, настанет.

В этот радостный солнечный день,
Под напевы морского прилива
Пробежится по мне твоя тень,
Ты ко мне обратишься игриво.

Я коснусь твоих рыжих волос,
Загляну в твои карие глазки
И увижу наивный вопрос
Про любовную близость и ласки.

Я испробую сласть твоих губ,
И, прочувствовав трепетность тела,
Я сдержать свою страсть не смогу
И услышу: «мне страсти хотелось».

Тебе я песен не допел...

Тебе я песен не допел
И слов не досказал.
Сомкнулась звездная купель
В холодных небесах

Угасло зарево любви
Над дивным морем чувств.
Завелся вирусник в крови,
И рвется скорбь из уст.

Скорбит поникшая душа
Без милого тепла.
Смогу ль по-прежнему дышать,
И жить с судьбою в лад.

Смогу ль еще раз полюбить
С такой же чистотой.
Нет, не смогу, душа скорбит,
И вместо песни стон.

Тебя я не увижу...

Тебя я не увижу в этой жизни,
А в будущем свиданий мне не надо.
Не держат чувств надорванные жилы,
И взгляд не тормозит бывшая радость.

Закат не окликает звонкой песней,
Грустинка появляется с рассветом.
Нам было не до грустных вздохов вместе,
Мы страсти возбуждали пьяным ветром.

Вернуть бы дни, но время — не реприза.
И прошлое не скрасить, не домыслить.
Опущена забвения кулиса
Тебя я не увижу в этой жизни.

Зов

Человек ты, мой солнечный,
Позитив ты, мой милый.
Не хочу я по зернышку
Потреблять твою милость.

Я устал в ожидании
Теребить свою старость.
За житейскими ставнями
Мне немного осталось.

Я не знаю, услышишь ли
Зов печального сердца.
Обращаюсь к всевышнего
И общаюсь усердно.

Колючка

Твои колючие глаза
И челка озорная.
Я полюбил их навсегда,
За что, и сам не знаю.
Меня преследуют они
И днями и ночами.
Я прогоняю эти дни
И ночь не привечаю.
Я убегая от тебя
И вновь спешу увидеть,
Кричу проклятья, не терпя,
Молчу, боясь обидеть.
И наслаждаюсь красотой
Наивного безумства,
И упиваюсь добротой
Шального безрассудства.

Прости...

Прости меня, подруга, я не рыжий,
Тупая боль терзает мой рассудок.
Я так устал в порыве страсти слышать
Слова любви, шипящие сквозь зубы.

Я не хочу отыскивать напрасно
Сиянье чувств под мутной поволокой
И делать вид, что наша жизнь прекрасна,
Что нам вдвоем с тобой совсем неплохо.

Что нерв в груди вскрывается не больно,
И сердца стук меня не утомляет.
Подобье ласки — скомканная вольность.
А тень улыбки — это только глянец.

Тебе

Я подарил тебе любовь в порыве нежности.
И с той поры слова любви слетают с губ моих.
Накрыла нас лавина чувств, связав надеждою,
А одиночество с тоской скатились кубарем.

Я отдаю свою свободу с наслаждением,
И превращаюсь в пацана с великой радостью.
Пусть называют мои чувства наваждением,
Но для любимой я готов взбежать по радуге.

Из разговора с другом

К распутной женщине я сердцем прикипел
Я целовал ее залапанные груди.
В своей игре она заламывала руки,
Но лучшей страсти я, друг, не имел.

Меня знобило от безумной ласки губ,
Бросало в жар от бесконечного оргазма.
Сводило горло от пронзительного спазма,
Но я покорен был блуднице и не груб.

Слились в экстазе наши потные тела,
Победным стоном покорило пространство.
Я так хотел, чтоб это было постоянно,
Но страсть к фантазиям блудницу увела.

Житейский календарь

В прохладе парка, сидя на скамейке,
Я теребил житейский календарь.
Пытался вырвать прошлые лазейки,
Что превращали праведника в дрянь.

Пытался смыть печальные сюжеты
Из натюрморта памяти своей.
Стремился вспомнить робкие сонеты
С нектаром чувств и мыслями о ней.

Ласкали память детские забавы
И сладкий привкус юношеских грез
С благим желаньем подвигов и славы,
С незримой тайной выплаканных слез.

Омылась жизнь волной воспоминаний,
Душа согрелась праведным огнем.
Я вдруг открыл наивность детской тайны
И понял мир, в котором мы живем.

Конечно, жаль...

Конечно, жаль оплеванным уйти
из жизни бестолковой и горбатой,
Но разлеглась на жизненном пути
трагедия всеобщего разврата.
Меня знобит от пошлой суеты,
меня тошнит от привкуса наркоты.
Мы подзабыли, что такое стыд
и растеряли навыки заботы.
Мы виртуально пробуем любить,
а если бьем, то больно и реально.
В сплетенье вен нам впрыснули снобизм,
в котором правит ненависть и алчность.

Китайский синдром

От порога до самого края
Я в китайских штиблетах шагаю.
В размалеванной штопаной куртке
Я похож на китайского урку.

А китайский наушник на ухе
Мне вещает китайские слухи.
И мобильник китайский трезвонит.
О китайской пластмассовой вони.

Для капризной китайской машины
Покупаю китайские шины.
И стараюсь успеть за китайским
Чудо средством от бешеной тряски.

Зазывает китайская кухня,
В ней приправой китайская скука,
В ней смурные китайские лица
Не дают от души похмелиться.

Оттого мои карие глазки
По-китайски узки, как салазки,
А сплошные китайские сутки
Холодны, как пекинские утки.

Зависть

Сейчас начну душевную беседу,
А ты решай, случайно ль это все.
В одной деревне жили два соседа:
Иван — мастак и Петр — ни то, ни се.
Колхоз вбирал в себя домов под триста.
Рулил в нем председатель ..., да райком.
Считался Ваня славным трактористом,
Петруха был нормальным пастухом.
Соседи жили в мире, не тужили,
Хранили дом, традиции блюли.
Напрасно самогоночку не пили
И попусту не тратили рубли.
Но выдумал товарищ Перестройку,
Россия покатилась под откос.
Кто зубы стал укладывать на полку,
Кто ценности выменивал на кость.
Паями разбазарили колхозы,
Иван с Петром остались не у дел.
Рекой текли в ту пору бабьи слезы,
На судьбы навалился беспредел.
Хирела деревенская глубинка,
К бутылке потянулись мужички.
Избушек покосившиеся спины,
Да бань остывших редкие дымки.
Ржавели приунывшие комбайны,
Травой сорной дыбились поля.
Крестьяне за бутылку уступали
Сокровища земельного пая.

Пропил свой пай бесчувственный Петруха,
Оставил без надежд свою семью.
Прописана в избенке только рухлядь,
Да плесень безразличья ко всему.
Иначе получилось у соседа.
Недолгим был Иванушкин запой.
Вдохнули жизнь детишки-непоседы
И вера, подкрепленная женой.
Он вспомнил про мужицкую смекалку,
Да силу, заскучавшую в руках.
К своим паям кредит у банка справил,
Впервые пересилив липкий страх.
Со знаньем дела технику наладил,
Вспахал поля, посеял семена.
Сменил избу, дышавшую на ладан,
На справный дом о двадцать два окна.
Пришел черед, и рожь заколосилась,
А рядом с ней пшеница налилась.
В урочный час траву в лугах скосили,
И к холодам закончили дела.
Теперь Иван в округе знатный фермер.
Его сосед — законченный алкаш.
Он просит в долг у фермера на время,
Но долг отдать мешает перегар.
Грызет Петра мучительная зависть.
Он заливает зависть первачом.
Но та ему настойчиво гнусавит:
Спали Петруха-друг Иванов дом.
И вот уже дрожащую рукою
Поднес Петруха факел огневой.
В ночной тиши запахло горьким горем,
И полыхнул огнем Иванов двор.
С волной огня боролась вся деревня,

Спешил помочь в беде и стар, и млад.
И смог унять пожара злое бремя
Простой порыв душевного тепла.
Не мне судить Петра за злодеянье,
Но я связал бы зависть по рукам,
Хулу и гнев отдал бы на закланье
И черствость душ развеял по лугам.

Бы-бы

Вот бы сбросить годков этак сорок,
Да волос поприбавить на темя.
А еще бы вернуть прежний норов,
Да силенки, хотя бы на время.

Ну и выдал бы я по охотке
На Арбате, Тверской и на Невском.
Охмурил не одну бы молодку,
Поиграл не одной бы на нервах.

Освежил бы шампанским дурнушек,
Заманил бы мартини красоток.
Коньячком бы залил свою душу,
И ушел бы в объятье экзотик.

День юмора

Ну, и что, что я обманут.
Ну и что, что я дурак.
В этот день не видят сраму,
А колбасят просто так.

В этот день вкусны приколы,
И обманы без обид.
В этот день повысил голос,
И не ждешь, что будешь бит.

И веселые улыбки
Украшают остряков.
Юмор в этот день не зыбкий,
Без запретов и оков.

В этот день аванс вам светит,
И спина у вас бела.
Все резвятся, словно дети,
Вот такие вот дела.

Маслена неделя

Ох, ты, Масленица — мать,
Блинная неделя.
На губах сметанный смак
И блаженство в теле.

В понедельник у снохи
Потчуют блинами.
Без ста грамм блины сухи
И сыры местами.

А во вторник смаковал
Дочкино творенье.
Подливал зять — хитрован
Мне за одобренье.

Средь недели у сваты
Блинчиков наелся.
Прочитал хвалебный стих,
Бражкой поднагрелся.

А в четверг попутал бес
И завел к соседке.
Помню блин, что к бабе лез
И под глаз отведал.

А на пятый маслен день
Принят был зазнойбой.

Съел блины, и стало лень,
Справиться со сном бы.

Во субботу восхвалял
Тещино умение.
Не заметил, как умял
Двадцать штук — не мене.

А в воскресный день жена
Вместе с поцелуем
Чарку выдала к блинам:
«Кушай всласть, мой любимый».

Так и жил бы, словно гость,
В благовонье блинном
Но настал Великий пост,
Кончилась малина.

Теремок

Теремочек, теремок.
Он не низок, не высок.
Он в Москве и в Петербурге
Вкусной трапезы знаток.

Есть здесь русские блины,
И похлебка — пища наша.
Пироги здесь масляны,
И сытны крутые каши.

Ждет вас вкусная уха,
А котлеты — объеденье,
И добавки хоть куда
От бекона до варенья.

Здесь напиткам нет числа.
Есть и квас, и чай духмяный,
И медку напьетесь всласть,
И пивка не будет мало.

В общем, знатен теремок
И едой, и обхождением.
Заходи в него, дружок,
Экономь со вкусом деньги.

Охолонусь водицей ключевой...

Охолонусь водицей ключевой,
Пройдусь пешком по краю щедрой нивы.
В мою ладонь уткнется боязливо
Согретый солнцем колос золотой.

Он перельет в меня свое тепло,
Налитых зерен пригоршню насыплет.
И вместе с хлебом жизненная сила
Поможет сбросить призрачное зло.

Я улыбнусь журчащему ручью.
И поклонюсь задумчивой березе,
Утру ромашке утренние слезы.
Ведь это все моя родная Русь.

Диета

Ты снова села на диету,
В который раз измерив вес.
Украдкой смотришь на конфеты,
Но терпишь, сладкого не ешь.

Не ешь ни фрукты, ни мучное,
Не пьешь ни кофе, ни Шампань.
Лишь только семечек немного,
Да горстку пресных марципан.

Настырно давишься слюною,
Отводишь жадные глаза.
А жизнь проходит стороною
И не воротится назад.

Ты пьешь до дна мучений чашу,
Сама собой увлечена.
Люби меня, хотя почаще,
Диета будет не нужна.

Молодость

В молодости все отведавать хочется,
Все проблемы хочется решить.
Молодость не думает о почестях,
Дружбой бескорыстной дорожит.
Молодость — идиллия романтиков,
Кладезь неизвестных ощущений.
Хочется любить и не обманывать,
Искренне боля всепрощеньем.

Молодость до времени не жадная,
Словно бесконечность впереди,
Брачными тисками не зажата,
Ищет вдохновение в пути.
Молодость таинственной мозаикой
Случаем выкладывает судьбы,
Потчует кого-то наказанием,
Делает кого-то неподсудным.

Прекрасное видение

Отсвет серебряной луны
На миг привлек мое вниманье
И с потревоженной струны
Сорвался вздох воспоминаний.

Нахлынул ливень жарких дней
На безразличие прохлады.
Я буду счастлив только с ней,
Другого счастья мне не надо

Я буду счастлив только с той,
Чей образ в небе отразился,
Заполнил небо красотой,
В моем сознание растворился.

Я полечу к ней в никуда,
Храня последнюю надежду
И путеводная звезда
Мое стремление поддержит.

Я обязательно найду
Мое прекрасное виденье,
Внесу на свет и на свету
Ее краса не будет тенью.

Сила любви

Слизнул холодный ветер все сомненья с ваших губ,
Унес с собой ненужные слова.
Обрывки одиночества остались на снегу,
От близости кружится голова.
Оттаяло заждавшееся сердце от любви
И ожили от радости глаза.
Мороз порыва нежности не мог остановить,
Зима была не в силах наказать.

Как искренни объятия и жарок поцелуй,
Как ласкова упрямая рука.
Ах, милый мой, желанный мой, до срока не балуй.
Но жажда наслажденья велика.
Прекрасно состояние душевной наготы,
Пленительна святая новизна.
От жаркого дыхания, от нежной теплоты
Пришла на землю ранняя весна.

Татьяне Снежиной

Хрустальная снежинка, сибирский талисман,
Отчизны недопетая печаль.
Блуждающий во времени безжалостный шаман
Унес тебя в неведомую даль.

Хрустальная снежинка, застывшая струна,
Застывшая на ноте доброты.
Цветами обделенная, но вечная весна
Взывает с недописанных картин.

Стреноженную рифму стремлюсь освободить,
Делюсь своим лирическим теплом.
Я знаю, ты сумеешь уходя, не уходить,
Я верю в исцеление добром.

Расставание

Огрызок месяца блуждает
В печальной раме небосвода.
С рассветом звезды отцветают,
В туманной мгле не хороводят.

Печаль бессмысленной разлуки
Звучит во вздохе расставанья.
Слабеют сцепленные руки,
В который раз прощаюсь с вами.

В который раз тепло слезинки
Я пью распухшими губами.
Волнение глаз неотразимых
Пытаюсь взять себе на память.

Твои глаза

Твои глаза. Я помню их, я вижу их.
Они взирают на меня сквозь толщу лет.
Тогда любовь мы не делили на двоих.
Была единственной любовью, сегодня — нет.

Когда ловил я на себе твой нежный взгляд,
От счастья сердце вырывалось из груди,
Дела, терзавшие сомненья, шли на лад.
Я понимал, что был на свете не один.

В тени разлук я ощущал твое тепло.
Тоскуя, шел к тебе на свет большой любви.
Когда ты нежно улыбалась, мне везло,
Но вдруг растаяла улыбка и увы.

Букет любви мы разделили на двоих.
Мою застывшую любовь накрыла тень.
Твои глаза. Я помню их, я вижу их.
Они забыть мне не дают счастливый день.

Театр теней

Смахнула Рождество рассерженная вьюга,
Накинула вуаль на зарево огней,
Отправила меня по замкнутому кругу.
Я шел к своей любви, попал в театр теней.

В табачной полутьме кривлялись чьи-то лица.
Со сцены наплывал дешевенький стриптиз.
Горбатый саксофон не мог уgomониться.
Блондинку целовал подвыпивший метис.

В углу голубизна потела от кокетства,
Слюнявились в засос сторонники меньшинств.
Я водкой заглушил подобное соседство
И душу запахнув, во вьюгу поспешил.

Судьба

Песня утренней капли —
Солнечная звень.
Птицы с юга прилетели,
Знать весенний день.
Раскрасневшиеся лица,
Шляпки набекрень.
Солнце просит веселиться
Всех, кому не лень.
Словно юные невесты
Яблони в саду.
Подмигни любовной вестью,
Я к тебе приду.
Зацелую в одночасье,
Ласка на губах.
Вот оно — земное счастье,
Вот она — судьба.

Побудь со мной

Побудь со мной, мой милый ангел,
Уйти в пургу не торопись.
Тебя красивей и желанней
Мне не дарила еще жизнь.

Дозволь коснуться осторожно
Твоей изнеженной руки.
Позволь избавить от мороза
Тепло робеющей души.

Хочу раскрыть свои объятья
Не на часы, а на года.
Готов делить с тобою счастье,
Мой талисман и божий дар.

Позови меня

В день весенний меня позови,
Я раскроюсь бутоном подснежника.
И укурю тебя до зари
Звездной шалью проснувшейся нежности.

Летним утром меня позови,
Я ворвусь к тебе солнечным лучиком,
Откровенно признаюсь в любви,
Провожу за порог ночь-разлучницу.

В день осенний меня позови,
Отведу я печаль нежной ласкою.
Наслаждение разыграет в крови,
Жизнь окрасится новыми красками.

В зимний вечер меня позови,
Подарю тебе страсть и желание.
Ты найдешь свое счастье в любви
Без намеков на боль и страдание.
Позови ты меня, позови

Я б любил тебя Москва

Я б любил тебя, Москва златоглавая,
Я бы песни тебе пел задушевные,
Но сманила ты любовь, увела ее
И остался без любви я отшельником.
Затерялась та любовь в кабаках ночных,
Затоптали ту любовь злые отроки.
И теперь в тревожном сне я плюю на них,
Заливаю страсть свою пивом-водкою.
Ах судьба, моя судьба забубенная,
Покатилась ты, судьба, на затмение.
И скулит тоской душа моя брменная,
И улыбка на ухмылку заменена.

Разлука

Я просыпаюсь от твоих прикосновений,
Ищу спросонья нежный взгляд красивых глаз.
Твой образ выпорхнул всего лишь на мгновенье
И растворился в тишине в который раз.

Он растворился и восторженное утро
Сменилось нудным и унылым серым днем.
А в серый день, моя любовь, не до гламура.
Костер унынья не зальешь хмельным вином.

Прореху в сердце не зашьешь суровой ниткой,
И чувств цветенье не оставишь на потом.
Как жаль, что образ твой любимый только снится.
Как жаль, что поутру терзает тяжкий стон.

Скорый разлучник

Скорый разлучник «Сапсан»
Скрылся в промозглой тиши.
И утонул в небесах
Крик помутненной души.

Я остаюсь в первый раз
В чреве разлуки один.
Катятся слезы из глаз,
Рвется печаль из груди.

В горле застыли слова,
Стал холодней Петербург,
Стала угрюмей Нева,
Невский мне больше не друг.

Душно средь белого дня,
Грустно от белых ночей.
Нет зазывного огня
В тусклом мерцаний свечей.

Разрыв

Унес тебя осенний ветер
Без лишних слов и суеты.
Плащом дождя зашторен вечер,
Придав никчемной пустоты.

Тупая боль изводит сердце,
Плодит душевную печаль,
Тиранит ум зловонной скверной
И бьет неистовей меча.

Застыли чувства в ожиданий,
Скорбит по прошлому душа
И ждет целебных оправданий,
Но те являться не спешат.

Скучаю я...

Скучаю я, моя любовь, скучаю.
И ты в далеком далеке скучаешь.
Мы судьбы с расставанием повенчали
И ждем свиданья днями и ночами.

А рядом только трубка телефона,
Я слышу в ней родное: «с добрым утром».
Встречает день меня волшебным звоном,
И мир вокруг спокойный и уютный.

Я в творческом порыве не забуду
С любовью написать хоть пару строчек.
И с чувством на закате серых буден
Пропеть иль прошептать: «Спокойной ночи».

Скучение

Откуда берется **скука** — коварное мучение?

Она забирается в душу, выворачивая наизнанку.

Она постепенно гасит душевное свечение,

Сгибает безжалостно тело, стройности убавляя в осанке.

Скука ползет за любовью, питает раздражение.

И вносит свои коррективы, перепутывая наши мысли.

В сознании происходит безумное брожение,

И жизнь, которая прожита, для нас уже не имеет смысла.

Но стоит ли поддаваться такому вот скучению,

Такому копанию в сути, перелицованной наизнанку.

Любовь и доверье к ближнему — главное предназначение.

А все остальное все — лишь человеческие останки.

Я бреду

Я бреду в кромешной темноте.
Тьма скребет сознание мое.
Вижу я виденья, но не те.
Слышу я дыхание не свое.

Но жива в душе моей мечта,
Та, что поднимает и ведет.
Робко отступает темнота.
Вера усомниться не дает.

Свет, в конце тоннеля робкий свет.
Стон застрял в растрепанной груди.
С плеч свалился груз прошедших лет.
Я увидел счастье впереди.

Я все перенесу

Я все перенесу, перетерплю,
Тоской переболею в одночасье,
Уныние оставлю сентябрю,
И с ветром побратаюсь за участие.

Неси меня безмолвный побратим
В шальные неизведанные дали,
Туда, где небосвод неповторим,
Туда, где плача сердца не слышали.

Я там смогу найти свою любовь
И лаской оградить от скверны душу.
А выплеснув в кювет тупую боль,
Природной чистоты я не нарушу.

Я жду тебя

Меня ведет сюда надежда всякий раз.
Я обхожу перрон Московского вокзала,
Ищу с волнением разрез знакомых глаз,
Забыв о времени, не чувствуя усталость.

Но не везет тебя бесчувственный Сапсан,
Я снова вижу хвост у Невского экспресса,
Шепчу в отчаяний молитву небесам.
И ноет сердце от разбуженного стресса.

Но завтра снова я приеду на вокзал
И буду чувствовать московские рассветы.
Как я хочу читать любовь в твоих глазах
И видеть мир вокруг приветливым и светлым.

Я зря...

Я зря обнажил свою душу
В порыве безудержной страсти.
Дыхнула ты облаком стужи
На лаву живого участия.

Хлестнула безнравственным взглядом
По зову открытой улыбки.
И чувства окутало смрадом,
И стало общение зыбким.

Скажи мне, друг

Скажи мне, друг, в какие времена
мужчин пытали женской красотой.
Не той, что раскрывается случайно,
а той, что беззаботна и кричаща.

Такая красота, что горсть песка,
летящая в открытые глаза
И болью отдающая в сознаний.
Ее коварство служит наказаньем.
Такая красота, что санный путь
без финиша и вида на успех.
И бег за красотой — паденье в бездну.
Искать в ней утешенье бесполезно.

Такая красота, что едкий дым,
безжалостно жующий интеллект,
А с ним и загрустившую духовность.
Как трудно сбросить страстные оковы.
Прости нас бог, мы все чуть-чуть греховны.

Послушай, милая

Послушай, милая, прекрасен этот день.
Он полон свежести и нежных ароматов.
Он дышит радостью с утра и до заката.
И держит в строгости назойливую тень.

Я в этот день готов без устали дарить
Приятных опусов цветные фолианты
И быть в любви своей похожим на Атланта,
Ты только взглядом понапрасну не кори.

Ты только душу без стеснения отвори,
И улыбнись своей открытою улыбкой.
Нас озарение коснется божьим ликом,
И бог знамение над нами сотворит.

Свидание

Ласковый радостный взгляд,
Нежное «здравствуй, родной».
Твой поцелуй неземной
Лучше мне всяких наград.
Сколько же зим, сколько лет,
Были похожи на бред.
Доброй улыбкой согрев,
Ты принимаешь букет.

Годы, копившие страсть,
Вдруг унеслись в никуда.
Милое, страстное «да»
Ты прошептала не раз.
В жарких объятьях слились
Две одиноких души.
Звезды сам бог погасил,
Скромно оставив свой лик.

Милый образ

Я просыпаюсь от твоих прикосновений,
Ищу спросонья нежный взгляд красивых глаз.
Твой образ выпорхнул всего лишь на мгновенье
И растворился в тишине в который раз.

Он растворился и восторженное утро
Сменилось нудным и унылым серым днем.
А в серый день, моя любовь, не до гламура.
Костер унынья не зальешь хмельным вином.

Прореху в сердце не зашьешь суровой ниткой,
И чувств цветенье не оставишь на потом.
Как жаль, что ночью меня будит тяжкий стон

Но верю я, мне звезды с неба подмигнут,
И крылья вырастут у звездной колесницы.
Ну а пока мне образ милый только снится

Утреннее пробуждение

Над твоим изголовьем склоняюсь осторожно,
Я дышу ароматом кудрявых волос.
От тебя в одночасье уйти невозможно,
Разве можно уйти от чарующих грез.

Разве можно унять возбужденную нежность,
Воспылавшую в сердце дремавшим огнем.
Твоя белая грудь излучает надежду,
И неважно, что солнце стучится в окно.

Ничего, что настырно сигналист водитель,
Он не видит твоей неземной красоты.
Я тебя прикрываю, как Вечный Воитель
Прикрывает наш дом от вселенской беды.

И почувствовав дрожь загорелого тела,
Ты со мной начинаешь дрожать в унисон.
В полусонном бреду шепчешь: «как я хотела....»,
Растворив в поцелуях прилипчивый сон.

Ты — мой бог

Ты — мой бог, ты — мой ангел хранитель.
Без тебя не могу я дышать.
Мне не жить, если порваны нити,
Если стонет больная душа.

Без тебя мне свобода не в радость,
И биение сердца не в такт.
В этом мире я жил только ради,
Ради нашей любви — это факт.

Без тебя только серое небо
В помутненных тоскою глазах.
Я живой, я настоян на нервах,
И мне слышится фальшь в голосах.

Я не в силах зализывать раны,
Чтоб унять воспаленную кровь.
Не боюсь я кончины ни грамма,
Но страшусь не увидеть любовь.

Появись и попробуй прижаться
К исхудавшей, небритой щеке.
Не нужны мне плаксивая жалость
И бесчувственный холод в руке.

Я воскресну от теплого взгляда,
От простого касания губ.
Как спокойно с любимой рядом,
Без любви я дышать не могу.

Ты и я

Как хочется прижать тебя, родная.
Навязчивым желаньем сводит зубы.
Ты тянешься ко мне, я это знаю,
Но жизнь внесла разлуку в наши судьбы.

Встречаешь ты московские рассветы,
Я вижу петербургские закаты.
Когда тебя ласкает теплым ветром,
Мне гром выводит грозные раскаты.

Мне люди улыбаются на Невском,
А ты идешь с работы по Ильинке.
Но связывают нас святая нежность,
И чистая любовь под божьим ликом.

Эх, душа моя...

Эх, душа моя, распростертая,
Эх, головушка забубенная.
Моей жизни круг, словно торжище,
Где плачу за все только бонами.

Где гуляю я до бесчувствия,
До последнего издыхания.
На родимый двор ворочусь ли я,
Загляну ль в окно с придыханием.

Не кори меня, ночка темная,
Не гоните прочь, звезды ясные.
Подружил меня бес с истомою,
Покорил порок взглядом масляным.

И дается мне нега сторицей,
Но очнусь ли я без последствия.
Вот такая вот, брат, история.
Я и милый друг, и подследственный.

Спасибо, милая

Спасибо, милая, за нежность,
Спасибо, милая, за ласку.
Смакую сок любовной сказки,
Какой не пробовал я прежде.

На небе звезды стали ярче,
А в поле травы зеленее.
Я слышу песню в скрипе снега,
И вновь звучит моя гитара.

И вновь серебряные струны
Манят мелодией восторга,
И сердце радостно им вторит,
Любуясь радугою лунной.

Узник любви

Я жертва искренних мечтаний,
Я узник трепетной любви.
Испил немало женской тайны
И женской лести пригубил.

Бежал от женского коварства,
И млел от женского тепла.
Прощал хандру непостоянства,
Бросаясь в омут нежных ласк.

Познал всю прелесть совершенства
И терпкий привкус красоты
С немалой каплей униженья
Под маской лживой доброты.

Дарил с восторгом комплименты,
Порой не тем и не тогда.
И не срывал аплодисментов
На этом свете, господа.

Несут мне ангелы в конверте,
Совсем невзрачное на вид,
Мое свидетельство о смерти
С печатью узника любви.

Уйди

Уйди, мой милый ангел,
и душу не травми.
Мне похотных желаний
не нужно без любви.
Не нужно поцелуев,
похожих на плевки,
И ласк, отчасти схожих
с игрою в поддавки.

Уйди, пока не поздно,
пока не сник закат,
Пока на небе звезды
не скрылись в облаках.
Возьми с собой улыбку
и аромат духов.
Любовь была ошибкой,
поэмой без стихов.

Что ж ты...

Что ж ты не идешь, моя соседка?
Я от одиночества страдаю.
Ждет тебя любимая конфетка,
Сдобренная алыми цветами.

Ждет тебя желание отдаться,
Страсти необузданная вольность.
Вспомним, как любили мы когда-то,
Как срывали с тел былую скромность

Были мы в мечтаньях откровенны,
Были в отношениях безрассудны.
Кровь от бурных ласк кипела в венах
Помню не один десяток суток.

Почему...

Почему так тоскливо и больно?
Почему сердце стонет в груди?
Я когда-то отдал свою вольность
И отбросил желание уйти.

Я взвалил на широкие плечи
Тяжкий груз бескорыстной любви.
Мы с тобой говорили о вечном
И просили аванс у судьбы.

Утолив безрассудную жажду,
Ты слезой загасила любовь.
Я тебя не увидел однажды
И впервые почувствовал боль.

Я судьбу не корю, не жалею
И возврата любви не прошу.
Я лечу свою боль, как умею
И осколком любви дорожу.

Тоска

Упрямая тоска вгрызается в сознание,
Тревожит душу мне и хлещет по щекам.
И днем она гнетет, и приползает на ночь.
Насилует до слез и вяжет по рукам.

А за окном зима в рождественском убранстве
С невинной белизной, с гирляндами огней.
В ней слышится любви хмельное постоянство,
Но только слабый вздох доносится ко мне.

Я пробую бежать в людское возбужденье,
Но силы забрала унылая тоска.
Куда ни посмотрю, сплошные наважденья
И черный пистолет у самого виска.

Преображение

Обняв уставшую и чуточку пугливую,
Моя любимая, — я нежно прошептал,
В твои открытые уста поцеловал,
Чем окончательно избавил от пугливости.

Твои движения наполнились игривостью,
Зажглись желанием красивые глаза,
В зовущем взгляде отразилась бирюза.
Лицо украсилось улыбкою счастливою.

Счастье

Жует вечерняя прохлада без разбору
Листву опавшую и вялую траву.
Иду к околице, дышу сосновым бором.
Над бором звезды разбавляют синеву.

На глади озера парчевую дорожку
Луна — волшебница лучами соткала.
Она подсвечивает звездную мережку,
В которой плещутся плотвичка и голавль

Питает бодростью вечерняя прохлада,
Наводит рифму на меня сосновый бор.
Родная Русь! Другого счастья мне не надо,
А в этом счастье невозможен перебор.

Свидание с Музой

Несговорчивая Муза
повернулась мне лицом.
Нежно в ухо напевает,
называет молодцом.
Я ее прижал покрепче
и коснулся алых губ.
Говори, моя родная,
я не буду слишком груб.

Не молчи, моя родная,
утоли мою печаль,
Пододвинь ко мне поближе
изумрудную скрижаль.
Улыбнулась озорница,
вдохновеньем обняла,
Отодвинула подальше
все житейские дела.

И пустился я в мечтаньях
в дебри сказочной страны.
Там природа первозданна,
и красавицы стройны.
Там от жара поцелуев
закружилась голова,
И от этого круженья
рифмой скрасились слова.

Не могу остановиться,
сочиняю без конца.
И не сходит наслаждение
со счастливого лица.
Учащенно бьется сердце,
огоньком горят глаза.
И поет мое сознание
на любые голоса.

Я спешу, чтоб насладиться
поэтическим вином.
Чтобы пить и не напиться,
спутав явь с кошмарным сном.
И отслеживает Муза,
как рифмую я слова,
Как ложатся эти рифмы
на безмолвие листа.

Ты меня не мучай

Ты меня не мучай
И себя не мучай,
Слезы береги.
Свой любовный лучик
Я на всякий случай
Отдал за долги.
Разбросал по ветру
Оды и сонеты,
Перья затупил.
С розовым рассветом,
Вспомнив про приметы,
Понял, что сглупил.

Затаив обиду,
По волнам тумана
Муза уплыла,
Высветив, что было
Правдой, что обманом,
Что эмблемой зла.
И вмешался случай,
Так как я везучий —
Баловень судьбы.
Ты меня не мучай
И себя не мучай,
Счастье не губи.

Карты — картишки

Карты — картишки.
Дама, валет.
Страсти — страстишки,
Да или нет.
К тройке с семеркой
Выпадет туз.
Взятка из мертвых,
Ставь и не труть.

Ставить ли дальше,
Вдруг перебор?
Юный игральщик
Буром попер.
К даме с десяткой
Выпал валет.
Не было взятки,
Денежек нет.

Карточный шулер
Встал на пути.
К девушке Шуре
Не с чем идти.
Сердце шальное
В пятки ушло.
Там где-то поет
Парню назло.

Если бы папа
Прикуп свой знал,
Я бы не лапу
Нынче сосал.
Я бы на Вольво
Девок катал,
Жил бы привольно,
Горя б не знал.

Лучше на кон ты
Ставь по одной.
Выиграл — кончи,
Сдался — не ной.
Кабы, да если б,
Чуть, да авось.
Старая песня,
Старый вопрос.

Последний вечер года

Мороз крепчал, багрянился закат.
Без суеты высвечивались звезды.
На откровенья вечер был богат
И добротой искрился свежий воздух.

Светилась ель Гостиного двора,
Стремилась в небо яркими лучами.
Народ спешил, ведь год уж догорал,
Но в ритмах улиц не было печали.

Встреча

Небо голубое с белой поволокой,
Чуткое безмолвье снежной белизны.
Солнце над кустами кажется далеким,
Церковь на горушке — символ старины.

Вьется в перелеске снежная дорога.
Скрип из-под полозьев рвется в небеса.
Загнанные кони стали у порога.
Милого встречает девица-краса.

Сладость поцелуя, жаркие объятья,
Слезы откровенья, нежные слова,
Робкое признание, свадебное платье.
Некогда молодке нынче тосковать.

Небо голубое с белой поволокой.
Чуткое безмолвье снежной белизны.
Солнце для любимых вовсе не далеко.
Церковь на горушке — символ новизны.

Постой, не уходи

Постой, не уходи, не исчезай.
Я многое хочу тебе сказать.
Взгляни в мои печальные глаза,
В них искренность, им можно доверять.
В них искренность вызывает к чистоте
Поступков и раскованности чувств.
Испробовав назойливых утех,
Я чувствовать по-новому учусь.

Постой, не уходи, побудь со мной.
К своим губам улыбку поднеси,
Разбавь ее искрящимся вином
И страстным поцелуем закуси.
Вдохни в меня душевное тепло,
Согрей мою слабеющую грудь.
Откликнется разбуженная плоть
На нежную любовную игру.

Срываю розы я...

Срываю розы я не для тебя,
Поэму грез не для тебя читаю.
Целую женщин вовсе не любя,
Под звездным небом не с тобой мечтаю.

И не с тобой встречаю я рассвет,
В весенний день врываюсь не с тобою.
И лишь вдали знакомый силуэт
Меня зовет куда-то за собою.

И я спешу идти на этот зов,
Но исчезает в жизненном тумане
Твое родное, милое лицо,
А силуэт опять куда-то манит.

Приглашение

Привкус одиночества забудь,
Слезы огорченья иссуши.
Только допусти в свою судьбу,
Скрашу я потрепанную жизнь.

Пыль стряхну с зашторенных окон,
Лаской докажу ненужность штор.
Бережно из замкнутой глуши
Выведу на песенный простор.

Выведу в звенящую весну,
К радости журчащего ручья.
С губ твоих сомнения слизну.
Ты оттаешь в солнечных лучах.

Любовь и море

Уведу тебя в южную ночь,
Напою ароматом лаванды
И о море сыграю без нот
И без струн на натянутых вантах.

Отзовется морская волна,
Унесет нас по лунной дорожке.
Я нырну и достану со дна
Жемчугов голубые сережки.

Подмигнет озорная луна
И под бархатом звездной накидки
Захлестнет нас другая волна,
На смущенье не делая скидки.

Тревога

Луна чуть видимым серпом
И солнце в темных пятнах.
К заливу пыль летит столбом —
С ума ветрище спятил.

А на деревьях воронье
Впилося когтями в ветки.
С надрывом каркает оно,
Не жалуя рассвета.

Испуг несет вороний гвалт
И странную тревогу.
Людских страстей девятый вал
И все во славу бога.

Чтоб что-то доказать

Чтоб что-то доказать,
Не стоит уходить,
Тем более не стоит умирать.
По прожитым годам
Душа моя скорбит,
А в будущем бесформенный мираж.

Ты смотришь на меня
Сквозь черную вуаль.
Во взгляде и обида, и печаль.
Печаль в твоих глазах
Впервые увидал,
А, может быть, ее не замечал?

Прошу тебя, ругай,
Но только не молчи,
Ударь меня иль словом, иль рукой.
Меня не оставляй
В рассерженной ночи
С корявой, недописанной строкой.

Представь себе, что все
Плохое позади
И радость жизни вовсе не игра.
Чтоб что-то доказать,
Не стоит уходить,
Тем более не стоит умирать.

Ушла

Ушла ты с легким ветерком
В простор небес, в сиянье радуг,
Собрав в пучок седые пряди,
Протившись волжским говорком.

Ушла туда не насовсем,
А просто так, из любопытства
И, как с работы, ровно в семь,
Придешь домой, чтобы забыться.

Придешь домой, чтобы любить,
Чтоб быть по-прежнему любимой.
Другой стези не может быть,
Пока любовь неистребима.

Я потерял

Я потерял полсолнца и полнеба.
Я потерял часть леса и лугов.
Я потерял все то, где раньше не был
С тобой. Моя родная, не с другой.

Я потерял романтику рассветов,
Я потерял душевность вечеров.
Рисует жизнь мне черно-белым цветом
Диагноз, что я больше не здоров.

Я потерял открытую улыбку
И приобрел зудящую печаль.
Пишу в слезах корявые верлибры,
Пока еще горит моя свеча.

Банька

Банька топится по-белому.
Под ногами снег пушистый.
Что же ты со мною делаешь
Мой миленочек ершистый.

Не испытывай терпение,
Подложи еще дровишек.
Моего сердцебиения
Неужели ты не слышишь.

Ах, какой ты недогадливый,
Ах, какой ты молчаливый.
Поспешి меня порадовать,
Сделай чуточку счастливей.

Занеси в парное облако,
В баньку с веничком пахучим.
Что же ты стоишь как вкопанный,
Словно ласкам не обучен.

Ах, какая банька жаркая,
Да с горячим поцелуем.
Нынче времени не жалко мне,
Я тебе его дарую.

Банька топится по-белому.
Мы ныряем в снег пушистый.
Оглянуться не успела я,
Как исчез мой друг ершистый.

Только миг

Я напрасно заглянул в твои глаза,
Подсластив свой взгляд дешевым комплиментом.
Завелась твоя блудливая краса,
Захмелев от возбуждения моментом.

Страсть была, но в ласках не было тепла,
Обходилась ты стандартными словами.
Вечер кончился, и ночь давно прошла,
Я опять с тобою встретился глазами.

Не выпячивай так явно красоту,
Убери с лица кричащие пороки.
Ты не сможешь увести меня в мечту,
За бурлящие житейские пороги.

Ты красива только тем, что молода,
Только тем, что по-весеннему беспечна.
Но смахнут красу спешащие года,
Потому, что наша молодость не вечна.

Говорила мне маманя...

Говорила мне маманя,
береги мужскую статью.
Не стремись от возбужденья
к каждой девке приставать.
Не растрачивай напрасно
эротический запас.
Подстилай побольше страсти,
чтоб в забвении не пропасть.
Не ведись на симпатичность,
ведь с лица воды не пить.
Посмотри немного ниже,
что за пазухой хранит.
Крутобедрые посласце
худосочных кобылиц.
Расслабляясь с говорливой,
понапрасну не треплись.
Не беги от молчаливой,
а ее разговори.
Она долго возгорает,
но зато светло горит.
Из пустышек-хохотушек
не бывает честных жен.
Рыжеватые подружки
так и лезут на рожон.
От подобных наставлений
закружилась голова.
Я телился, матерился
и женился раза два.

А теперь, забыв советы,
ударяю за любой,
И от каждой получаю
то приятность, то любовь.

Я умоюсь

Я умоюсь и побреюсь,
перестану унывать.
Буду ямбом и хореем
свою душу изливать.
По березовым кудряшкам
проведу своей рукой.
Эй, девчонки — симпатяшки,
ну-ка следуйте за мной.
Хороводы хороводить,
не баклуши забивать.
От томленья зубы сводит,
так и тянет целовать.
Ты, краса, не обижайся,
я к тебе со всей душой.
Хочешь ласки, прижимайся,
иль оставишь на ужо?

Да, черт с ним

Да, черт с ним, с капризом, гулять, так гулять,
Не морщась от боли, без жажды страдать,
Без привкуса злости, без видов на месть,
Не этим красна благородная честь.

Не этим приятна любовь без натуг,
Любовь без обмана, без гнили в цвету.
Любовь без придирок и странных разлук,
Когда нет ни спеси, ни каверзных мук.

Когда откровенье струится из глаз,
И редкие ссоры для нас в самый раз.
Когда разногласия только на вид,
А в мыслях струиться источник любви.

Эй, цыганочка

Эй, цыганочка — смуглянка,
Поведи своим плечом,
Разгадай мое желанье,
Растолкуй мне, что почем.

Я давно не сплю ночами,
Ты на слово не скупись.
Околдуй меня очами,
Только в душу не стучись.

Я и сам боюсь нарваться
На каприз моей души.
Не спеши меня сосватать,
Бросить в омут не спеши.

Эх, цыганочка — смуглянка,
Выпей доброго винца.
Я прошу, не ради пьянки,
Ради сказки без конца.

На площади Искусств

Зашел я в сквер на площади Искусств,
Сев на скамью, в нирване задремал.
В стихах смешались ласточка и куст,
Толпа зевак и бравый генерал.

Ваял Роден нагую красоту,
Лилось шампань из пушечных стволов,
Храпели кони, чувствуя беду,
Общались люди жестами, без слов.

Котяра рыжий шастал по цепи
И строил глазки рыбке золотой,
А князь Гвидон с Онегиным испил
Из знатной чарки бражки молодой.

Рычал на Ольгу хмурый Пугачев,
Салтан забрал в полон богатырей.
Скупой Гринев поигрывал в очко,
А Нулин граф в имении хирел.

Холодный пот покрыл мое чело,
Стряхнул я с плеч дремотную вуаль
И поспешил закончить эпилог,
Пока Поэт мне уши не надрал.

Благовест во Владимирской церкви

Благая весть поет в колоколах.
Благою весть разносит по округе.
А я скорблю, скорблю о милом друге,
Скорблю о той, что рано отцвела.

Взирает скорбь с владимирских икон.
Держу свечу дрожащими руками.
С моей души стряхни пудовый камень,
Молю я бога, глядя на амвон.

Но не расслышал бог мои слова,
А я не мог дышать благою вестью,
Но все стоял, как вкопанный, на месте
И в забытии икону целовал.

Верное средство

Неутешительный диагноз
ему поставлен был врачом.
С коротким сроком ожидания
и предсказуемым концом.
Он две недели жутко квасил,
стремясь залить свою печаль,
И на стороннее участие
не торопился отвечать.
Хандра схватила мертвой хваткой
его слабеющую плоть.
Вошла в сознание безвозвратно
все пожирающая злость.
Он проклинал свое зачатие,
неразделенную любовь,
И порывался в одночасье
пустить в расход шальную кровь.
Он выл бессонными ночами,
но дом не слышал этот вой.
Он мерил комнату шагами
и вел беседы сам с собой.
Его измученное тело
теряло силы с каждым днем,
За жизнь хваталось неумело
и забывалось редким сном.
И вдруг цветное сновиденье
с картинкой отчего двора,
В котором след босого детства
смывает школьная пора.

Ах, эти дивные виденья,
до слез знакомые места.
Они наводят на решенье
начать все с чистого листа.
И вот отброшены сомненья,
в руке походный чемодан,
И только чуточку волненья,
да вера в мамин талисман.
Встречай, родимая сторонка,
вернулся твой пропавший сын
С душой наивного ребенка,
с печалью, спрятанной в усы.
Он дому в пояс поклонился,
прильнул к дверному косяку,
Домашней радости напился,
и снял сердечную тоску.
Его сознание отогрелось
теплом родного очага,
Душа от счастья подобрела,
и жизнь вдруг стала дорога.
Он взял покоя у природы,
глотнул воды из родника
И, невзирая на погоду,
проверил снасти рыбака.
В родной сторонку забылся,
какая хворь, какой конец?
Как страстный юноша влюбился,
и в пору снова под венец.

Гнедая

Льстить не люблю, но красотой объятый,
хвалебных слов сдержать я не могу.
Какая грудь, какая бездна стати,
какой оскал, какая сочность губ.
Волнует прядь длинноволосой гривы
и томный взгляд чарующих очей.
Твой взгляд — предтеча страстного порыва
от стройных ног до кончиков ушей.
Я вижу дрожь накачанного тела,
я слышу пылкий несравнимый ржач.
Прижмись ко мне, ты этого хотела,
возьми губой подсоленный калач.
Неси меня в просторы диких прерий,
где теплый ветер будет нас ласкать.
Крутой обрыв нам пощекочет нервы,
а звонкий ливень станет остужать.
Неси меня, лети вперед, Гнедая,
мне иноходью душу согревай.
Я до поры придерживать не стану,
и видит бог, святых не буду звать.

Любовь и время

Вы молоды, а значит и красивы.
Вы веселы, а значит влюблены.
Смотреть на Вашу страсть невыносимо
Сквозь призму будоражащей весны.

Глазами не стреляйте, ради бога.
Попробуйте сегодня не любить.
Для русского смотреть и не потрогать,
Что вскрытого вина не пригубить.

Не смейтесь, я прошу Вас беспричинно.
А, впрочем, это может быть смешно.
Вы молоды и зрелому мужчине
Любить Вас аморально и грешно.

Но может ли любовь быть аморальной,
Расписанной по числам и годам.
Не верю я зацикленной морали
И с радостью всего себя отдам.

Нева

Живя на волжских берегах,
Я разве мог себе представить,
Что будет тешить мою старость
Другая русская река.

Река, которую воспел
В своих стихах великий Пушкин.
На ней сверяют с залпом пушки
Часы больших и малых дел.

Река, которая хранит
Следы величия державы.
Дворцы глядятся величаво
В Неву, одетую в гранит.

Река, к которой я иду
В минуты радости и горя.
О ней пишу и с нею спорю,
И с нею в вечность отойду.

Ваш взгляд

Вы улыбались, глядя вдаль
Улыбкой искренней и нежной.
Я в вашем взгляде увидел
Едва блеснувшую надежду.

Я в вашем взгляде рассмотрел
Шальные искорки лукавства.
Ваш взгляд теплом меня согрел,
Разбавил быль волшебной сказкой.

Я в вашем взгляде утонул,
Но и не думал о спасенье.
Я в здравом смысле шел ко дну,
Хвалил за это день весенний.

Хвалил за это Летний сад
С его скамьей под старой липой
И не искал пути назад
В безумный Питер многоликий.

Метель

Долетел до меня в затяжную метель
Отголосок участия.
Телефонная трель, телефонная трель.
Твое тихое: «Здрасте».

Твой волнующий вздох в утомленной ночи,
Вереница вопросов.
Я прошу — говори, не молчи, не молчи
Мой родной отголосок.

И в счастливом бреду твое имя кричу
В телефонную трубку.
Приезжай поскорей, я люблю, я хочу
Целовать твою руку.

Приезжай поскорей, впрочем, что это я,
За окном непогода.
Поутихнет метель, заалееет заря,
Не пройдет и полгода.

Но не хочешь ты ждать заалевшей зари
И бросаешься в темень.
Потому, что горда и не терпишь пари
На любовную тему.

Неподкупная красота

Плачешь ли, смеешься,
Снам ли отдаешься,
Смотришь ли пугливо
В чрево темноты,
Самою желанной
В сердце остаешься
Ты, моя родная,
Ты и только ты.
В стареньком халате,
В ситцевом ли платье,
В праздничном наряде
С модным декольте,
Нет тебя красивей,
Нет тебя приятней.
Дай мне раствориться
В этой красоте.
Дай мне насладиться
Жарким поцелуем
И услышать песню
Сердца твоего.
Я тебе за это
Жизнь свою дарую.
Жизнь свою даруешь,
Только и всего?

Дурной сон

Ты мне приснилась в жемчугах и в платье белом,
Сидящей в роскоши, за праздничным столом.
Твой ухажер, прикрыв очками отупелость,
Стремился выглядеть непуганым орлом.

Хмельные гости, что есть сил, кричали: «Горько».
Вы целовались под ухмылки остряков.
Я вашей паре не завидовал нисколько
И только прятал зависть сжатых кулаков.

И, отчего-то, в забытии скрипел зубами,
Не отводя от ваших лиц сердитых глаз.
Я понимал, что не смогу отнять словами
И все ж просил со мной уйти в последний раз.

Я так просил тебя, что в ужасе проснулся.
Нет, все же первую тогда проснулась ты.
Своей рукой горячей нежно прикоснулась
И я прочел твой взгляд небесной чистоты.

И я обнял тебя решительно и страстно,
Я целовал тебя в открытые уста.
Обнять любимую — какое это счастье.
А быть тобой любимым — это ль ни мечта.

Ах, ты, милая проказница...

Ах, ты, милая проказница.
Ах, ты, ангел мой прелестный.
Не могу тебе отказывать,
О тебе слагаю песни.

За тебя молю я господа,
Видя образ в поднебесье.
Будь моей желанной гостьей,
Будь мне преданной невестой.

Но не жди кольца венчального,
Не дразни меня фатою.
Мне не выплеснуть с печалью
Все, что было пред тобою.

Мне не вырвать из сознания
Смех и плач десятилетий.
Только знай, что ты — весна моя,
Ты — мое родное лето.

Чего хочу?

Чего хочу? К чему стремлюсь я?
Куда все время тороплюсь?
Зачем всю жизнь, болея Русью,
Не чту униженную Русь.

Зачем страдаю, выбрав образ,
Но не испробовав души.
Зачем сдаюсь порою скорби,
Забившись где-нибудь в глуши.

Ничто не вечно в этом мире.
Ничто не вечно. Даже скорбь.
Прикрыв глаза, проходит мимо,
Спешит за ближний косогор.

И я спешу, стремлюсь к чему-то,
Плутаю в множестве дорог,
Храня под маской балагура
Один единственный порок.

Ах ты, птенчик черноглазый...

Ах ты, птенчик черноглазый,
Беспокойная душа.
Что дрожишь, когда я глажу?
Иль ладонь не хороша?

Может быть она шершава,
Может быть она стара.
Только знай, что нет в ней жала,
Нет колючего пера.

Ощути через ладони
Жажду сердца моего
И услышь, как сердце стонет,
Если ранят вдруг его.

Ощути и не пугайся
Ты моих горячих губ.
Я в любви бываю, каюсь,
Ненасытен, но не груб.

Подошла электричка...

Подошла электричка.
Я вошел с нетерпением в вагон.
Натолкнулся мой взгляд
На глаза незнакомой старухи.
Где светился твой взгляд,
Где был нежный и ласковый взгляд,
Прислонилась к окошку
Печаль неизбежной разлуки.

Я бежал по вагонам,
Я искал дорогое лицо
И с надрывом шептал,
А, быть может, кричал твое имя,
Оставаясь юнцом,
Оставаясь безусым юнцом.
Но стучали колеса,
Что мы уже стали чужими.

Порыв

Ты, как всегда, пришла внезапно, без звонка
И нежно гладила тебя моя рука.
Ты торопилась, торопилась, как всегда
И вместо нет, прикрыв глаза, сказала «ДА».

И я, опомнившись, к губам твоим приник.
Ты утолила жажду мне, но лишь на миг
Ты утолила жажду мне, исчезнув вновь,
Ушла к ничтожеству делить свою любовь.

Бег времени

Вагон на станцию вчера уж не придет,
Вагон на станцию вчера уж не вернется.
Вчерашний день печалью в сердце отдается.
Печаль и завтра в моем сердце не пройдет.

А поезд времени в неведомую даль
Уносит прочь мое истерзанное тело
И беспрерывно воеет ветер оголтелый,
Приумножая безысходную печаль.

Ты, скорый поезд, я прошу, подзадержись,
Не ускоряй свой бег на стыках и на спусках.
Стучит в мозгу от бесконечной перегрузки,
Напоминая, как ничтожна наша жизнь.

Смотрю с надеждой я назад, а не вперед.
Мне впереди уже немного остается.
Вагон на станцию вчера уж не вернется.
Вагон на станцию вчера уж не придет.

Наше время...

Наше время поэтов не жалует,
Россиянам сейчас не до рифмы.
Кто бомжит, кто жирует на жалости,
Кто валюту сшибает на мифах.

Припекает и желчные паводки
Настигают стихийным разливом.
Дирижируют злоба и паника,
Предлагается брейк для пугливых.

Под обложками битвы и фэнтези,
На экранах насилие и пошлость.
Зуботычины вместо приветствия,
Добродетель оставили в прошлом.

На глазах бесконечное марево
Из заморских зеленых дензнаков.
А семья остается без малого,
И чаи распиваются с таким.

Не могу я жить...

Не могу я жить в клоаке матерной,
Не хочу вещать слова заморские.
Нет душевной боли у косматости,
Ей давно пора ходить в наморднике.

Заливает Русь волна наркотная,
Теребят страну пивные паводки.
Стиль романтики сменила готика,
Разбавляя жизнь смертельной паникой.

Человеку скромному, стыдливому
Не найти в России справедливости.
Под попонами велеречивости
Его потчуют зловоньем лживости.

Не мое это время...

Не мое это время,
я изгой в этом мире.
Непосильное бремя
жить в духовном сортире.
Разрывается сердце
от вселенского срама.
То ли хной, то ли перцем
мне присыпали рану.
И коробятся жилы
от победных салютов.
Это миф, что мы живы,
что ушло право лютых.

Нельзя корить...

Нельзя корить ни время, ни пространство.
Над бездной чувств не властвуют они.
Но для судьбы важнее постоянство
И щедрый дар источника любви.

Твой нежный взгляд и милую улыбку
Стремлюсь найти в столичной суете.
И песнь души моей подобна крику,
Который бьется в вечной пустоте.

Я тороплюсь бежать на шум вокзала,
Но мой состав растаял в темноте.
И холодок пустующего зала
Без лишних слов тревожит сердце мне.

Ночная темница

Ночь — ненасытная подруга,
Когда же ты угомонишься.
Потехи замкнутого круга
Смешали в кучу мои мысли.
И я затравленным волчонком
Ищу спасенье в лунном свете.
Но разве может заключенный
Сбежать в ночи за шустрым ветром.
Делюсь мечтаньями с подушкой,
Но та не смеет отзываться.
В ночной темнице сердцу душно,
И тело мечется в кровати.
Ну, сколько ж можно наслаждаться
Своим насильем надо мною.
Твоим потугам я не сдамся,
Не упаду с прошеньем в ноги.
Я дорожу своей любовью
К принцессе солнечного утра.
Она придет и снимет боли.
И с глаз спадет ночная утварь.
Тетрадный выпорхнет листочек
С теплом прочувствованной рифмы.
Всего каких-то двадцать строчек,
Но сколько жизненного ритма.

Ночь

Закат сменила ночь с триумфом темноты,
С великим таинством всеобщего разврата.
Смешалась благодать с кошмаром суеты,
А вопль зачатия с мечтой дегенерата.

Полночная шпана горланила навзрыд,
Ей страстно вторило нутро автомобилей.
Подпитый еретик казал заблудшей прыть
И что-то изредка гундосил по мобиле.

Дешевки из села заполнили панель,
Пытаясь выселить восточных конкурентов.
Витает над толпой не Ричи, не Шанель,
А запах спермы от недавнего растленья.

Ночь любви

Коварной ночи темный полог,
Ни звезд на небе, ни Луны.
К любимой путь тернист и долог,
Но тем желанней час любви.

Но тем теплей любимой ложе,
Тем шелковистой пеньюар.
Шальная дрожь бежит по коже,
Не портя греческий загар.

В ее объятьях море страсти
И дышит страстью поцелуй.
Войти в любовь, какое счастье,
Приятных чувств какая глубь.

Какая жажда нетерпенья
И крик разбуженной души.
Для слуха — истинное пенье,
Для сердца — жизни эликсир.

Ну что ж ты...

Ну что ж ты на меня так посмотрела,
Зачем прожгла надеждой мою душу?
Я слышу вдруг не возгласы, а трели,
И вижу не тревогу, а радушье.
Хватило мне единственного взгляда,
Чтоб крылья распустили мои чувства.
Я нежностью дышу, когда ты рядом,
И нет в сознании лени и грусти.
Несут мои раскованные скулы
Желания открытую улыбку.
Мне хочется погладить твои кудри,
Прижать и любоваться твоим ликом.
Мне хочется напиться эликсира
Безусого наивного пострела.
Ах, если бы на все хватило силы.
Ну что ж ты на меня так посмотрела!!!

Охлаждение чувств

К твоим ногам пытаюсь постелить
Ковер, в котором счастье бесконечно.
Но он желтеет, как осенний лист,
И вместо счастья проступает нечто.
Все потому, что искренность прошла,
И маска безразличия не тайна.
Твоя душа надменно весела,
И озорной она уже не станет.
В твоих глазах зашторен добрый свет,
Во взгляде отражается холодность.
Когда-то ободряющий привет
Сегодня показался инородным.

Письмо

Недельной давности письмо
Вселило в душу мне надежду.
Слилось словесное дерьмо,
И мы общаемся, как прежде.

Мы снова видим мир добра
И восхищаемся им вместе.
Не ноет сердце в этот раз
От жестких фраз никчемной мести.

И вновь волнует трель звонка,
Но этожданное волнение.
И пишет мне твоя рука
Поэму чувств, а не сомнений.

Недотроге

Ах, девушка, святая недотрога,
Морали бессловесная рабыня,
Сними с лица напыщенную строгость,
Поведай для меня хотя бы имя.

Откройся лучезарною улыбкой,
Лукавостью стрельни не понарошку,
Уйми свою душевную безликость,
Избавься от никчемного зорка.

Взгляни на мир решительно и нежно,
И мир тебе ответит добродушьем.
Развеются последние сомненья,
И ангел приласкает твою душу.

Милая моя

Милая моя в далеком далеке
Бегаёт по утренней росе.
В ситцевом купальнике
И с лентою в косе
Бегаёт по утренней росе.

А я по ней скучаю,
Но писем не пишу.
А я по ней страдаю,
Но ехать не спешу.

Милая моя нуждается в любви,
Хочет быть красивей и добрей.
Там, в краю коварных и непуганых зверей
Милая нуждается в любви.

Милая моя худеет от разлук,
Вес свой уменьшает без диет.
Ждет от друга милого какой-нибудь привет.
Ждет привет и тает от разлук.

Милая моя в далеком далеке
Спит в краю непуганых зверей.
Нет ее, наверное, красивей и добрей
Только вот в далеком далеке.

И я по ней скучаю,
Но писем не пишу.
Ах, я по ней страдаю,
Но ехать не спешу.

Кафе любви

Уютное кафе на М. Посадской.
Для нас с тобой Иглесиас поет.
А за окном не зимние осадки,
Не снег кружит, а дождь холодный льет.

Но дождь холодный вовсе не помеха
Двум любящим, мечтательным сердцам.
Я радуюсь, и ты цветешь от смеха.
Цвет радости идет твоим глазам.

Любовь парит над стойкой и столами.
Слова любви с твоих слетают губ.
Я пью любовь и нежными словами
Спешу с тобой связать свою судьбу.

Кураж

Как сексуально вы курили,
Ловя сигару язычком.
Вы сексуально ели, пили,
Смеясь над грешным мужичком.

А он потел от ваших вздохов
И возбухал от ваших глаз.
Он был скупым, но все же лохом
И вас хотел уже сейчас.

Он вас хотел скорее лапать
Своею потною рукой.
На вашу грудь готов был плакать.
Готов был звать вас дорогой.

Его знобило от желанья.
В его глазах читалась страсть.
А вы куражились жеманно,
Шептали тост за разом раз.

Ты спишь

На всем видны следы бессонной ночи,
Вино грустит в недопитых фужерах.
Пытаюсь помечтать и попророчить,
Приткнувшись у погасшего торшера.

Ты спишь, а солнце лижет твои губы.
Ты спишь, а солнце гладит по руке.
Наш день, счастливый день идет на убыль.
Уж вечер где-то ждет невдалеке.

Я снова ощущаю твои ласки
И страсть твоих волнующих объятий.
Приятно угорать в любовной пляске,
Но нежностью дышать еще приятней.

Спасибо за минуты наслаждения.
Мы раньше так друг друга не любили.
Проснись, мое счастливое виденье,
Проснись и обними меня, любимый.

Южный роман

Южный роман у подножия скал,
Голубая морская вода.
Ветер морской мои кудри ласкал.
От забот не осталось следа.
Солнечный день и лавандовый рай
Невзначай познакомили нас.
Было любви, может быть, через край,
Но об этом мы вспомним не раз.
Море — кладовая чувств.
Ты меня позови.
В море я с тобой умчусь
За частичкой любви.
В море только ты и я,
Да морская волна.
Где-то позади земля,
Но она не нужна.

Короток день, ах как короток день,
Как печален могучий платан.
Холод идет от дорог и от стен
И над морем холодный туман.
Нет больше слов, но нужны ли слова,
Если лица за все говорят.
Будет ли кто так меня целовать,
Под желтеющей мглой сентября.
Лета зачерпнуть успей,
Зачерпни с родника.
Радость до конца испей

У морского песка.
Море — кладовая чувств,
Ты меня позови.
В море я с тобой умчусь
За частичкой любви.

Южная ночь запустила Луну
В кладовую мерцающих звезд.
Лежище скал, отошедших ко сну,
Не тревожит ночной небосвод.
Нежной рукой ты коснулся волос
На пустынном морском берегу.
Песню любви ветер в море унес,
Ветер в море унес с наших губ.
Волны не ласкают нас
В эту южную ночь.
Чайки, задремав в волнах,
Нам не в силах помочь.
Море — не тенистый сад,
Где поют соловьи.
Ветер не вернет назад
Песнь любви, песнь любви.

После банкета

Моя любимая, я снова задержался.
Прости, любимая, за пошлый перегар,
За то, что поднял свой бокал, не удержался,
За то, что вовремя тебя не приласкал.
Моя любимая, не стоит огорчаться.
Я подарю тебе букет счастливых дней.
Мои признания не нужно рвать на части.
Я докажу тебе, что нет меня родней.
Я докажу тебе, что нет меня нежнее,
Меня добрее и внимательнее нет.
Ну не молчи, прошу, слова сейчас нужнее,
А лучше выскажи с улыбкою «привет»
Я только гость, почетный гость на вечеринке,
А не какой-нибудь коварный ловелас.
Мы юбилеи отмечаем по старинке.
И, как мужчины, поднимаем тост за вас.
А за тебя, родная, я не мог не выпить,
За наше счастье и за верную любовь.
Мне после третьей рюмки так хотелось выйти,
Но поднимали тост за женщин вновь и вновь.

Блудливый пес

На воле жил блудливый пес,
За ним толпой ходили суки,
Младые сучки и старухи.
Он тешил их кого от скуки,
Кого от чувства невтерпех.

Другие горе-кобели
Влачили жалкую судьбину.
Нередко чувствуя дубину,
Которой потчевали спины.
В харчах сидели на мели.

А наш блудливый пес жирел,
Хомячил сахарные кости,
Ходил востребованным в гости.
Не думал всуе о погосте.
От сучьих ласк заматерел.

Летели бурные года.
Опухла похотная морда.
Душа дыхнула песьим мором,
Нашлась конурка под забором.
От сук не сыщется следа.

За правду — матку не взыщи,
Мораль из замкнутого круга.
Сношаясь с суками, ищи
Одну единственную суку.

Монолог шлюхи

Прости меня, Георгий
за вереницу оргий.
Я в этом неповинна,
во всем виновны вина.
Сначала мы у Лили
шампанского испили.
Бутылку не допили,
но мало закусили.
Всего я не упомню,
но кто-то Лилю обнял.
А после к бедной Лиле
другие заходили.
Потом пошли к Наташке —
отъявленной алкашке.
А к ней, чтоб похмелиться
пришли блатные лица.
Я лиц уже не помню,
по был фужер наполнен.
Конечно, это мерзко,
когда не знаешь меры.
Перед тобою каюсь
и всем сознанием маюсь.
Прости меня Георгий
за след от пьяных оргий.

Ох, уж этот маркетинг

Маркетесса — хлопотунья посмотрела на меня.
Профи-взглядом оценила, чтоб в дальнейшем не пенял.
Шаловливыми глазами пробуравила насквозь
И всадила прямо в сердце мне маркетинговый гвоздь.

От занудной фокус-группы я пытался улизнуть,
Но подробный SWOT — анализ предрекал мне новизну.
Обещала маркетесса, углубившись в креатив,
Приподнять упавший рейтинг, активировать актив.

Обняла меня **research**ем, указала на goodwill,
А оценкой конкурентов довела, что я завыл.
Попеняла на римейки, на доходный дефицит,
И, как ушлый модератор, сочинила плебисцит.

С той поры я демпингую, сегментацией грешу.
Одурманенный дефолтом, сухари в печи сушу.
Где мой прежний reputation, где мой имидж озорной?
Утоплю сомнение в рюмке, может быть, и не в одной.

Лягушка и выдра

Лягушка квакала усердно на болоте.
Ее на кваканье характер вдохновлял.
Она без умолку трещала о работе,
И было пользы от нее на три рубля.

А если морщилась плюгавая букашка,
Или комарик норовил пережужжать,
Она стреляла языком им по мордашкам
И уплетала, не стараясь прожевать.

Ее заметила начальственная выдра.
Она тихонько, несуетно подплыла,
И, не позволив совершить последний выбор,
С болотной кочки ту лягушку убрала.

И если пристальней всмотреться в эти строки,
Мораль сей басни вам покажется простой.
Поменьше квакайте, не будьте слишком строги
И не карайте близких твердою рукой.

Сова и дятел

С ночной охотой покончив,
В тени ветвей сова присела.
Глубокий сон прикрыл ей очи,
Она тихонько засопела.
Во сне сова гоняла пташек,
Мышей ловила из-за кочек,
Не пропускала и букашек,
И те боялись ее очень.
С восходом солнца лес проснулся,
Проснулись дружно зверь и птица.
Красавец — дятел потянулся
И стал с усердьем клювом биться.
Ох, и трудна его работа,
Он ищет завтрак под корою.
Долбает до седьмого пота
И не болеет головою.
И как ни крепок сон совиный,
Сова от стука пробудилась.
Узрела дятлову провинность,
Но в тот же миг его простила.
Другие стали материться,
Кричать, что дятлу не простится.
А ведь в народе говорится,
Совы мудрее нету птицы.

Глухарь

В одном российском городке
жил — поживал глухарь.
По жизни шел он налегке
и изредка бухал.
Неровно к женщинам дышал,
точнее, баб любил.
Блондинок с рыжими мешал,
и черненьких поил.
Был осмотрителен во всем,
и зрел не по годам,
Не отличал порой совсем
стервоз от светских дам.
Когда пред бабой токовал,
то был и глух, и слеп.
А та все лишнее брала
и заметала след.
Нет, оставляла иногда
свой пламенный привет.
Глухарь был вынужден тогда
с врачом писать ответ.
Мораль сей басни такова,
что с женщиной в любви
Не нужно слишком токовать,
а то теряешь вид.
Ее любя, не обещай
несбыточных даров.
Попалась стерва, не серчай,
а будь всему готов.

Старый ручей

В лесное озеро впадал лесной ручей.
Питал он озеро целительною влагой.
Светился радостью от солнечных лучей,
И окружение вбирало эту радость.
К нему тянулись и деревья, и зверье,
Он их приветствовал своей журчащей песней.
Лесной хозяин, как умел, его берег
И делал все, чтоб жизнь вокруг была не пресной.
Кусты с деревьями водили хоровод.
Соревновались птицы в певческом искусстве.
Сияло озеро от новых чистых вод,
И не клубил туман уныния и грусти.
Но годы шли, неумолимо годы шли.
Ручей старел, как увядает все живое.
Настырный ветер его русло иссушил,
И заунывно зажурчали его воды.
С сиянья озера приветливость сошла,
Кому нужна печаль стареющего русла.
Сорока глупая забвенье принесла,
И затуманило унынием и грустью.
Но зарождались в чаще новые ручьи,
Они бежали мимо старого к озерам.
Их подгоняли родниковые ключи.
Лесная прелесть открывалась юным взорам.
С весенним солнцем было некогда грустить.
Вливаясь в озеро с приветственным журчаньем,
Они пытались ничего не упустить,
Но не учились бескорыстному участию.

И лишь один ручей услышал тяжкий стон,
Точней не стон, а заунывное журчанье.
По воле случая младенческий восторг
Сменился добрым и отзывчивым желаньем.
Он в тот же миг свое течение изменил,
Преодолея с трудом завалы и овраги,
Ручей стареющий водицей напоил
Без громких всплесков и желания награды.
Теперь текут они к озерной глади вод
Под бодрой песнею совместного журчанья.
Для них старается веселый хоровод,
И исполняются заветные желанья.

Безрассудный роман

Мою судьбу украсил бог
Волшебным изумрудом.
Я оторвать свой взгляд не смог
В то сказочное утро.

Вы вышли в белом на балкон,
Тогда вы вышли в белом.
И я был с вами не знаком,
И шел себе без дела.

Но, вдруг, поймал ваш нежный взгляд
И сердце защемило.
Я вам сказал, что очень рад,
А вы назвались Милой.

Встречал нас солнцем южный пляж,
Ласкал волной морскою.
Я пил любовь красивых глаз
И гладил вас рукою.

Был безрассудным наш роман,
Коротким было лето.
Ушла любовь в морской туман
И стоит ли об этом.

Не хочу

Не хочу, чтоб меня любили.
Не хочу, чтоб меня пасли.
Я устал от любовной пыли,
Я устал от шальной тоски.

Я хочу улететь к созвездьям
От подножья хрустальных гор.
Я хочу быть с тобою вместе
Безмятежный морской простор.

Пусть я сед, но душою молод
И последний — не мой сезон.
Но манит меня в вечный холод
Убегающий горизонт.

И бросают косые взгляды
Те, которых любил вчера,
Те, которые были рядом
В полупьяные вечера.

Не хочу, а быть может просто
Не могу поддержать огня?
Оттого и спешу на остров,
На котором не ждут меня.

Воспоминания

Ах, эти смачные года,
Когда влюблялись навсегда,
А через день иль через два
Уж разбегались, кто куда.

Мы были молоды и в нас
То бес всеялся, то Пегас,
То твист нас радовал, то вальс,
То моря штиль, то ветра шквал.

Какие были времена.
Тогда нам было не до сна.
Тогда... А нынче тишина.
И я один, и ты одна.

Ночные демоны у ног
Моих дежурят как назло.
И я теперь без Ксюш и Мил
Не пьян, печален и уныл.

В Африку

Несет меня попутный ветер
От наших северных широт
На жаркий африканский север,
В объятия пальмовых красот.

Я сброшу потные одежды,
Войду в прохладу волн морских,
Смахну вчерашнюю надежду,
Развею признаки тоски.

И выйдя на берег песчаный,
Поймаю солнечный загар.
И взгляд Ваш будет не случайным,
И ласки с видом на закат.

Дождь в Тунисе

В Тунисе дождь тягуч по-петербуржски.
Вторые сутки морось достает,
Холодный ветер в море каламбурит,
Седым волнам утихнуть не дает.
И стаи волн бросаются на берег,
Смывают в море бархатный песок.
Небесный свод терзают тучи-звери.
Хранитель Солнца снова занемог.
И не влекут ни бархатные пляжи,
Ни галерея пальмовых красот.
Тунис без солнца — истинная лажа.
Тунис без моря — камни, да песо

Мой бог

Меня спросили: «Есть ли бог»?

И я ответил: «Есть».

Судьбу он выбрать мне помог,

Убавил мою спесь.

Рукою женской приласкал,

Мужскую дать не смог.

Его я в детстве не искал,

Он сам меня берег.

Берег от хвори и хандры,

От жажды и нужды,

Хранил от горькой мишуры

И прятал от беды.

Хранил от подлости людской,

От алчного огня.

Вот и сейчас, из года в год

Мой бог хранит меня.

Потрогать божью благодать

Посредников не счесть.

Одним чего-то нужно дать,

Другим милее лезть.

Давно известен их портрет,
Не в этом новизна.
Люблю общаться тет-а-тет
Я с богом, без посла.

Владимиру Высоцкому

Я знаю, ты б сейчас кричал в сто крат сильней.
Я знаю, струны б ты менял намного чаще.
И если сердце порвалось тогда на части,
Сегодня б вспыхнуло в предательском огне.

Я знаю, ты б сейчас не пел крутой братве,
Я знаю, ты б не стал любителем тусовок.
При виде роскоши твоя б стонала совесть.
При встречах с бедностью просилась б кровь из вен.

Я знаю, ты б сейчас играл в забоях шахт,
Я знаю, ты б сейчас стоял на дне окопа.
И отморозки об тебя б ломали копья,
А вместе с ними те, кто судьбами вершат.

Я знаю, ты б сейчас занес в свою тетрадь
Послание к Родине истерзанного тела.
Твоя б душа сегодня факелом горела.
А, впрочем, вот она горит на зло ветрам.

Поэту и гражданину

В. Высоцкому

Твое б не выдержало сердце
При виде слез седой старухи,
Когда б к тебе тянулись руки,
Твои б не выдержали нервы.

И ты бы встал одним из первых,
Надежды страждущим даруя.
На гриф натянутые струны
Бросали б хлесткие напевы.

Ты б пел про скомканное детство,
Клеймя вождей за беспризорность.
Про то, что кто-то выкрал зори
И про коварство лицедейства.

И про лавину униженья,
С верхов накрывшую Россию,
Про безнаказанность насилия
И про блатное окруженье.

Ты б пел про мнимую свободу,
Что тешит нас законом джунглей.
Свобода та горчит от жути,
Да и дана не ради бога.

Твое б не выдержало сердце
При виде слез седой старухи,
Когда б к тебе тянулись руки,
Твои б не выдержали нервы.

Поэт и ювелир

Нет, ювелиру не дано понять поэта.
Он ищет в золоте источник красоты,
А совершенство видит в бриллиантах.
Ему трудны поэта фолианты
И непонятны просветленные мечты.
Не будем строго осуждать его за это.

Он видит женщин сквозь алмазную огранку
И выбирает совершенную модель
Для ювелирных ценных украшений.
И не терзают мастера сомнения,
Он не рифмует содержание своих дел.
Ему важнее соответствующий ракурс.

В народе творческую поступь ювелира
Зовут красивым ювелирным ремеслом.
И покупают все его творенья.
Но не купить душевное томленье
И красоту прекрасных образов и слов,
Когда играет поэтическая лира.

Когда же?

Еще беда не заросла бурьяном,
Подбросив угольку.
Свалилось горе многотонным АНом
Не только на Иркутск.

Смешались в кучу наглая беспечность
И скромный героизм.
Одни ушли в божественную вечность,
Другие в эгоизм.

Когда же смерть с шакальими глазами
Подавится костью?
Когда же боль, умытая слезами,
Отпустит хоть на миг?

Когда трястись от взрывов перестанет
Российская земля?
Когда она расщедрится цветами
В ухоженных полях?

Халява

Достались на халяву мужику
Земные, да и водные пространства.
Развеял он дремавшую тоску,
Забылся и зациклился на пьянстве.

По-пьянке за бесценок раздавал
Леса и потревоженные недра,
Куражился, а что не пропивал,
Пускал без сожаления по ветру.

Прослышав о сокровищах едва,
Повадились дельцы из-за границы,
Прилипла развеселая братва
И прочие лихие проходимцы.

Заметно поубавилась казна,
Уменьшились несметные богатства.
Плачевной оказалась новизна.
...Заканчиваю, чтоб не заругаться.

Инстинкт

Инстинкт далеких предков в нас проснулся,
Чужая кровь пьянит.
Животному инстинкту повинуюсь,
Торопимся казнить.

Стремимся насладиться беспределом
С пародией на власть.
Бахвалимся не щедростью и делом,
А способом украсть.

Выпячиваем миру бездуховность
Под рабским колпаком.
Возами импортируем греховность
И учим бардаком.

Подкладываем юных россиянок
В заморскую постель,
Бросаем их за крохи подаянья
В загаженный бордель.

До времени дремавшая жестокость
Ощерила нутро,
Ведет от созидательных истоков,
От видов на добро.

Бесовщина

Живут в стране у нас чубайсы и мавроди,
А остальные не живут, а прозябают.
И, в основном, не бесталантливые вроде,
Но без сомнения на грабли наступают.

Висит какая-то зловещая завеса.
На ней следы от чумаков и кашпировских.
И люди тянутся за посулом словесным,
Сминая ближних до бесчувствия, до боли.

По мановению тщеславного кумира
Открылись шлюзы человеческих страстишек.
Горят глазницы вурдалаков и вампиров,
Растут отряды обворованных и нищих.

И, в основном, не бесталантливые вроде,
Но кормят их заморским словосочетаньем.
И правят музыкой чубайсы и мавроди,
И люди гибнут в ритмах бешеного танца.

Простите нас

Ну почему так мир несправедлив,
Ну почему так груб и беспощаден.
Фасад Земли коряв от гнойных ссадин,
И спермой слов его не забелить.

Не затушить вселенский произвол
Скупой слезой истерзанного детства.
Простите нас за гнусное наследство,
Что дарим вам под гул ударных волн.

Мир...

Мир беспардонный, беспринципный, бездуховный.
Кичится наглостью под облаком разврата.
Биенье совести — никчемная условность,
Волна открытости умчалась безвозвратно.

Жестокость вырвалась на площади и скверы,
Толпа безжалостно кромсает по живому,
Несет зловоние в земную атмосферу,
Служа безропотно стяжателю и вору.

В нас что-то есть

В нас что-то от собаки есть,
И это что-то,
Подмяв достоинство и честь,
Немного стоит.

Оно шпигует души нам
Животным страхом,
Несет по жизненным волнам
В обитель мрака.

Мы лижем руку, а она
В крови по локоть.
Возводим хама и лгуна
На трон пророка.

И только боязно скулим,
Когда пинают.
Бредем понуро в Древний Рим.
Они ведь знают.

Символы Руси

Люди вы, мои родные,
символы Руси.
К вам тянулся я в унынье,
бог меня простит.
С вами верил в неприступность
наших рубежей.
С вами видел я преступность
клерков и вождей.

Вы в меня вселили веру
в русскую мечту
Без нужды кого-то свергнуть,
а кого-то вздуть.
Без намека на насилие,
без кивка на ложь.
В этом будущность России,
в этом ее мощь.
В том реальная свобода,
мир и благодать,
Ведь у нашего народа
много славных дат.

И не меркнут эти даты
в памяти людской.
И уже милей закаты,
и алей восход.

И уже мечты красивей,
и озноб ушел.
Новый символ у России
с русской душой.

Двадцать одно

Потупив взор уставший, перезрелый,
Страна простилась с многождыгероем.
Наш бронепоезд вздыбился на рельсах,
Театр абсурда прибыл на гастроли.

Долой застой, да будет дисциплина.
Одни за план, другие за порядок.
Цеховики попрятались под плинтус
От зуботычин скорых на расправу.

Кто видел в том крутые перемены,
А кто возврат к забытому диктату.
Но большинство скукожилось в сомненьи,
Тая желанье лидеру отдаться....

...Последний залп затих у стен кремлевских,
И горсть земли последняя упала,
И на страну опять дыхнула древность
Из-под остатков дряхлого забрала.

И вновь на сцену выползла бездарность
С запасом лести, с жаждой на даренье.
Звезду героя сгорбленному старцу
И поцелуй горстки престарелых.

Но не сдержать весеннего журчанья.
Пришел рассвет со словом «перестройка».

Он взбудоражил в миг людские чаянья,
Освободил надежду от оброка.

И потянулись люди за словами,
Стремясь услышать правды отголоски.
Отныне гласность правила умами,
Звучала речь без пафоса и лоска.

Ах, мед бы пить бодрящими устами,
Но пьянству бой, даешь людскую трезвость.
Вся наша жизнь наполнилась мечтами,
Гудел Союз с Чукотки и до Бреста.

Гудел Союз от битвы с мелочами.
С лозой рубили право на достаток.
От нетерпенья ружья не молчали,
Стреляли вверх, но в сердце попадали.

Реальность дел сменилась говорильней,
Зияла брешь в пустеющих прилавках.
Страна предстала очередью длинной,
В которой ненависть искала правду.
В которой злость по разумам носилась
И выходила вместе с матерщиной.
Какой закон, там правил балом сильный,
Ходил кулак под дых и по морщинам.

В сердцах разбит прожектор перестройки,
В рядах творцов партийное шатанье.
Трещат по швам союзные устои,
Социализма крах — уже не тайна.

Надрывный скрежет гусеничных траков,
ГКЧП последние потуги.
Но не пошел народ в большую драку,
Не защитил партийные хоругви.

Лихая тройка в пуще Беловежской,
И жирный крест на контурах Союза.
От прежней дружбы только головешки,
И символ братства стал никчемным грузом.

Толпа борзых ликует с упоением,
Слышны призывы, одобренные водкой,
Звучит «ура» безумному правлению
И грабят все от недр до производства.

Трещат по швам российские амбары
Проворней многих мойши и абрамы.
Они в обойме **русских** олигархов.
Стыда в них нет, и нет ни капли сраму.

Раззявив рты и шмыгая носами,
У проходных стоят простолюдины.
Интеллигенты с мокрыми глазами
С тоской глядят на дикую картину.

Им места нет при варварской дележке.
Их голос слаб в грабительском оргазме.
Для них готовят мрачные ночлежки,
Где роль бомжей страшней тюремной казни.

Кремлевский бог назначил эпитимью,
Но были странны меры наказания:
Одним мочить клозеты золотые,

Другим стоять за пайкой подаянья.
От алчных слуг, от пьяной вакханалы
Тощал кошель российского бюджета.
Текло добро наличкой и безналом
Во все концы ликующей планеты.
Мир подпевал прорабу беспредела,
Рукоплескал безнравственной когорте.
Казна страны российской опустела.
Роптавший люд ударило дефолтом.

Славяне...

Славяне, что же вы творите?
За чей подмасленный кусок
Свою историю черните,
Картечью целитесь в висок.
Плюете в братскую могилу
И рвете общую шинель.
Какой такой безумный киллер
Насилье вывел на панель?
Кто впрыснул ненависть в сознание
И, злостью дружбу окропив,
Уводит нас от созиданья
Под ложный, лающий мотив.

Террору нет

Terror — это страх и ужас,
укутанный в безрассудство.
Террор — это чья-то слабость,
толкающая к насилию.
Террор не умеет слушать,
он стаден и слеп по сути.
Он весь состоит из гадов,
чумных и невыносимых.
А гад без души и сердца,
без чувств сопереживания.
Пьянит его запах крови
людей простых и безвинных.
И сколько еще на свете
безумных и самозванных,
Убийц, потерявших совесть,
скотов, стреляющих в спины.
Но память не даст нам струсить,
тревога не оконфузит
Потуги убийц напрасны,
в России они бессильны
Нам страх не залезет в души,
не сломит нас едкий ужас.
Сплоченность встряхнет наш разум,
отвага придаст нам силы.

Утро на Неве

Невы игривое течение
хранит гранитная оправа.
Мостов чугунных ожерелья
глядятся в воду, словно Павы.
Играют солнечные блики
на крыльях ангела на шпиле.
В его сияний град великий,
встает ухоженным и стильным.
И стражи верные на Стрелке
не спят Ростральные колонны.
С приходом дня не входит в реку
судов бесчисленных колонна.
Нева резвится с катерами,
над ней летают Метеоры.
Она, простившись с рыбаками,
сдаст гостям свои просторы.
В гармонии речи иностранцев
с певучей трелью русской речи.
Дворцов искрящиеся стразы
влекут к речному побережью.
Влекут к красотам Петербурга,
к сердцам, по-питерски открытым.
Я рад встречать такое утро —
предвестник дружеских событий.

Россия моя...

Россия моя, задымленная,
прокуренная и подпитая.
Сыновьим теплом обделенная,
дочерней рукой не умытая.

Не рдеет рассветом рябиновым
глубинка забвеньем заросшая.
Избенки с горбатыми спинами
омыты холодными росами.

Уныла российская горница,
свалялась скатерка дырявая.
Не льется игривая вольница,
в печали береза кудрявая.

Стук сердца

Рубцами сердце бьет по ребрам,
Чем больше лет, тем резче боль,
Тем громче голос у хворобы
И тише бодрый си бемоль.

Все чаще память манит в детство,
В обитель радостных забот,
Туда, где доброе наследство
Берет с улыбкой в оборот.

Я там согрет теплом от мамы,
Представ пред миром по весне.
Я там, конечно самый-самый,
Как сладко-кислый леденец.

Созвездье дружеских улыбок
Мне дарит звездный небосвод.
И песнь мою под добрым ликом
Ласкает медный перезвон.

Я вкус вишневого сиропа
Пытаюсь памятью вкусить,
Но сердце бьет меня по ребрам,
И стук уже не заглушить.

Старость

Старость, старость, кому ты нужна?
Кто обнимет тебя, кто согреет?
Шелестит под ногами нужда,
И зарница добра не алеет.

Покосилась под ветром изба,
Заросла от забвенья тропинка,
Каждый вечер немая судьба
С огоньком поминальной лучинки.

Утро будит меня — значит жив,
И от вести той мозг закипает.
За окошком летают стрижи,
На дождливый денек намекают.

Забери меня темная ночь,
Унеси за ограду погоста.
Мне окучивать старость невмочь
Даже с помощью пальмовой трости.

Я когда-то...

Я когда-то доверил судьбу
Многотонной крылатой машине.
И парил я над горной вершиной
Выше молний парил, выше бурь.

Раскрывала объятья земля,
Но я к ней не спешил возвращаться.
Я машину тогда умолял
Хоть на миг в синем небе остаться.

Я летал над землей не орлом,
Окрыленным кровавой истомой.
Белым лебедем нежным крылом
Я хранил счастье отчего дома.

Я хранил изумрудность озер,
Окантованных песенным лесом.
И искал очарованный взор,
Что любовь мне несла в поднебесье.

Ах, как годы, как годы летят.
У машины подрезаны крылья.
Пусть меня в этом мире простят,
За утерю естественной прыти.

Моя весна уж отзвенела...

Моя весна уж отзвенела.
Усох без песен старый клен.
В избе холодной, запустелой
Не голосит в печи огонь.

Грустит забытая тальянка
В пустой утробе сундука.
Растет крапива на полянке,
Где молодь была трепака.

Глядит колодезное днище
На заскучавшую луну.
Патлатый пес напрасно ищет
Свою хозяйку на лугу.

И я ищу в ночном безмолвий
Хотя б малюсенький просвет.
Но ничего помимо скорби
Не предлагает лунный свет.

Мой родной Петербург

Мой родной Петербург, озаренный величием солнца.
Разукрашенный Невский спешит к лучезарной Неве.
Любознательный зайчик легко отразился от бронзы
И решил прогуляться по свадебным платьям невест.

Кавалькада машин окружает кольцом Медный всадник.
И решительный Петр обещает совет, да любовь.
Как хочу я, чтоб был у Петра нескончаемым праздник,
Чтобы детской улыбкой светилась российская новь.

Малая родина

Тебя узнал я, древний Ярославль,
С Демидовским, оврагами и Стрелкой,
Со Спасским, что стоит золотоглав,
С церквями, что смахнули престарелость

Плывет по Волге белый пароход —
Носитель зачарованных туристов.
Они встречают розовый восход
На родине великого артиста.

А я не вижу Волгу и восход.
Задумавшись на родине о главном,
Я вижу спящим с рюмкой на поход
Волжанина и слезы Ярославны.

Я вижу оптом проданную честь
Красавиц Первомайского бульвара.
Висит над Волгой нагленькая месь
Посредников от южного базара.

Притих волжанин как последний трус,
С похмелья отдавая Ярославну.
Вот так и вся подвыпившая Русь
Сдает свое достоинство бесславно.

Ярославна

Ярославна моя, Ярославна,
Ты приблизишься походкою плавной,
Посмотри голубыми глазами,
Поцелуй озорными губами.
Ярославна моя, Ярославна.
Ты Россию избавить смогла бы
От хандры беспробудного пьянства,
От оков векового мещанства,
От ненужных мужицких разборок,
От лавины нечестных поборов,
От тоски беспризорного детства,
От жестокости, взятой в наследство
Ярославна моя, Ярославна.
Я хотел бы по-прежнему славить
Твою верность российскому дому
И способность любить по-простому.

Мой Ярославль

Березы русской белый цвет
Вобрал в себя мой древний город.
Тебя не портит призма лет,
Ты по-особенному молод.
Величье стен монастыря,
Ильи Пророка невесомость,
Цветущих лип волшебный ряд
И зданий новая фасонность.
Хранят столетья купола,
Чуть-чуть похожие на шлемы.
А люди, видно по делам,
Торопят нынешнее время.
И ты растешь, как богатырь,
Обняв церквушки осторожно.
Я так люблю тебя, ведь ты —
Полпред Руси, мой друг надежный.

Для детей

Моя радость

Мой милый ребенок,
кудрявый глазастик.
Шумливый с пеленок,
упрямый ужасно.
Надутые щеки
и сжатые зубки.
Ребенок не хочет
ни кашу, ни супчик.
А если ручонку
в кулак он сжимает,
Спасайся, кто может,
иначе не сладить.
Краснеют глазенки,
расплачется скоро,
Да так, что и сони
проснутся от горя.
Но чаще глазастик
смеется задорно.
И в смехе том счастья
не малая доля.

Сашульке

Ты — мой ребенок, моя доча,
Хотя по крови мы чужие.
Мне удастся между строчек
Читать поэму прежней жизни.

В твоих глазах я вижу счастье,
Оно мое, я это знаю.
Улыбка доброго участия,
Опять моя, не наносная.

Ты также радуешься ветру,
Что теребит золотые кудри.
И также скромно ждешь ответа,
По малой родине тоскуя.

Как я смеешься до слезинки
И до бесчувствия рыдаешь.
Во всем следы моей кровинки.
Я это чувствую не даром.

И я тянусь к тебе с любовью
Простой и светлой по-отцовски.
Нам не свелось сродниться кровью,
Но я и к этому готовый.

Волчок

Кирюшкой звали мальчика,
Волчком его собаку
И были неразлучными
Кирюшка и Волчок.
Кирюшка был с рождения
отпетым забиякой
И каждый закоулочек
был мальчику знаком.
В отличие от мальчика —
— смешного забияки,
Доверчивым и ласковым
был маленький Волчок.
Доверчивого песика
без страху гладил всякий,
А тот, в знак благодарности,
вилял своим хвостом.
Но вот однажды девочка
попалась нашей паре,
Похожая на куколку
с малиновым бантом.
Кирюшка поднатужился
и, как заправский парень,
Обидел эту девочку,
толкнув ее плечом.
Обиженная девочка
присела на скамейку
И слезы огорчения
вдруг брызнули из глаз.

Кирюшка раззадорился
и корчился от смеху,
Почуяв над обиженной
невиданную власть.
Волчок же, по наивности,
сначала растерялся,
Застыл в недоумении,
вильнул разок хвостом,
Но вовремя опомнился,
к скамейке подобрался,
Лизнул девчонке туфельку
шершавым язычком.
Девчонка успокоилась,
взяла Волчка на ручки
И слезы огорчения
слизнул он язычком.
Кирюшка разобиделся,
сгрубил на всякий случай
И в первый раз за грубости
облаян был Волчком.
С тех пор Кирюшка с девочкой
зовут собаку Дружкой.
Охотно отзывается
на новый зов Волчок.
Он рядом с ними бегают,
волчком меж ними кружит,
Вертит безостановочно
от радости хвостом

Попрошайка

Как только он на свет явился,
Так стал настойчиво просить.
Он так истошно голосил,
Страшнее только волки выли,
Рычали львы, когда ловились,
Да тигр и тот в расцвете сил.

Просил у мамы и сестренки,
Просил у тети и отца.
От крика красным был с лица.
Собаки с кошками сторонкой
Спешили мимо молодца,
Пугались мудрые вороны.

Со всей настырностью кричащей
Просил он все, что видел глаз.
При слове «нет» входил в экстаз
И слово «да» звучало чаще.
Ему и дед был не указ,
И бабка, что кормила слаще.

Чем больше рос, тем злей канючил.
И век бы мучиться родне,
Но в январе, в один из дней
Произошел забавный случай.
Рыхля лопаткой белый снег,
Нашел крикун волшебный ключик.

Тот ключик стоило погладить,
Как исполнялся в тот же час
Любой каприз, любой заказ
Без лишних слов ему на радость,
Без злого крика на показ.
Да и реветь, чего бы ради.

Зачем реветь, когда сбывалась
Любая просьба, как во сне.
Растаял ключик по весне
Под теплым ветром-задувалой,
А вместе с ним растаял снег
И блаж прошла, как не бывало...

...Цветет под окнами лужайка.
В семье не видят больше слез.
Ведь ключик выручил всерьез
Того, кто звался Попрошайкой.
Мне слышать это довелось
От старой бабушки-всезнайки.

Вот так да

Пришла из садика расстроенная внучка.
Слышны придирки: то не этак, то не так.
Браня игрушки за какой-нибудь пустяк,
Дала котенку незаслуженную взбучку.

Мы всей семьей старались внучку успокоить.
Она решила о причинах умолчать.
Потом за ужином, попробовав мычать,
Разговорилась и поведала такое!

Собрались в садике сплошные забияки.
Сережка Зябликов — ужасный говорун.
Петров Валерочка — обжора и хитрун,
А Светка Шадрина такая задавака.

Маринка — ябеда, Оксана — попрошайка,
Антошка — жадина, Кирюшка — егоза.
Зовут очкариком Никиту за глаза,
А Ленку Павлову — хвастливую зазнайкой.

Аленка — плакса, а Степанова — неряха.
Толстяк Котеночкин — известный истукан.
Алешка Ванюшкин — отпетый хулиган,
А Милка Лямина — большая растеряха.

И только Чижиков — вчерашний сладкоежка,
Сегодня в садике конфеткой угостил.

За что, естественно, пришлось его простить
И, задружившись, отвязаться от Олежки.

За разговором позабыли мы про ужин.
Картинно охали, стараясь не шуметь.
Пересказать мне так, как внучка, не суметь
Про всех друзей ее, про всех ее подружек.

Волшебный ящик дяди Феди

Пришел в наш садик дядя Федя,
Не тот, который съел медведя,
А тот, который рамы ставил,
Стол и стулья ловко правил.

Волшебный ящик был у Феди,
Не у того, кто съел медведя,
А у того, кто всю неделю
Чинил скамейки и качели.

В волшебном ящике у Феди
Хранились лучшие на свете
Стамески разного размера,
Пила, топор, отвертка, метры,
Рубанок, клещи, долото,
Шурупы, гвозди, молоток.

Мы восхищались дядей Федей,
Не тем, который съел медведя,
А тем, который утром рано
Чинил столы и ставил рамы.

Ябеда-карябеда

Что за шум разносит ветер?
Про кого судачат дети?
Даже добрый старичок
За болтливый язычок
Дразнит Петьку ябедой,
Ябедой-карябедой.

Ну играли детки в мячик,
Ну паснули неудачно.
Залетел тот мяч в окно,
Выбил стеклышко одно.
Тут же Петька ябеда,
Ябеда-карябеда.

Или Нестеров Серега
Бросил камень на дорогу,
А попал в автомобиль,
Фару чуточку разбил.
Снова Петька ябеда,
Ябеда-карябеда.

А когда Серов Антошка
Нежно гладил чью-то кошку
И от ласки кошка та
Потеряла полхвоста.
Выдал Петька — ябеда,
Ябеда-карябеда.

Или Сидорова Галка
Замахнулась только палкой,
Угодила, как назло,
Мишке маленькому в лоб.
Тут же Петька — ябеда,
Ябеда-карябеда.

Надоел он всем на свете,
Оттого не только дети,
Но и добрый старичок
За болтливый язычок
Дразнит Петьку ябедой,
Ябедой-карябедой

Божия коровка

Божия коровка, черненькие точки,
Черненькие точки, ярко-красный плащ.
Ты примерь на ножки теплые носочки,
Потому что лето нынче без тепла.

Я могу коровке дать всего лишь пару,
Дать всего лишь пару тепленьких носков.
Но от этой пары ей не хватит жару,
Так как ножек больше у цветных жучков.

Поспеши на помощь божьему созданию,
Поделись с коровкой чуточкой тепла.
Озорное лето дуться перестанет,
И людей согреют теплые ветра.

Буква «Р»

Что там за страшный тигр рычит,
Пугая плюшевых зверюшек?
То вдруг вороной закричит,
То беспричинно дразнит хрюшек.
А то как трактор тарахтит,
То буквой «эр» стреляет в уши.
По дому слышно «ры», да «ры»:
Разбойник, рак, арбуз, корова,
Каприз, ружье, тартарары,
Программа, рама, будь здорова.
Игрушки ждут. Не до игры.
Как трудно с «эр» придумать срово (ой).
В квартире полный тарарам
От рыб, ракет, ремней и крабов.
Уж солнце спрятала гора,
А, значит, внучке спать пора.
Из детской спальни до утра
Впервые «эр» выходит с храпом.

Весна

Разрумянился рассвет,
я ему не нужен.
Не со зла брюзжит сосед,
светом оконфужен.

Солнцу весело и так,
я ему не нужен.
Заревел медведь-чудак,
щебетом разбужен.

Мимо ветер пролетел,
я ему не нужен.
Заяц робко посерел
после зимней стужи

Майский гром зарокотал,
я ему не нужен.
Ручеек хлопотал
у капризной лужи.

Вышла девица красна
в разноцветье кружев.
Для меня поет весна:
«Нужен, нужен, нужен».

Весточка

Я по клавишам стучу,
Маме весточку строчу.
Я стараюсь, чтобы было
И понятно, и красиво.

Потерялся мягкий знак,
Не найду его никак.
Он смягчит мое посланье
И оно приятней станет.

эС большая мне назло
Превратилась в букву О.
Потому-то слово «Самой»
Получается «Оамой».

Вместо классной буквы **Ша**
Появилась буква **Ща**.
Оттого не стало краше
И роднее слово «Наша».
Слабо движутся дела,
Отчего-то пуст экран.
Я вспотела не на шутку,
Отдохну хотя б минутку.

Внучке

Человечек ты мой маленький,
покрасневшие глазенки.
Ты в слезах пришла из спаленки,
протянула мне ручонки.
Для тебя пою я песенки,
для тебя читаю книжки.
Я хочу, чтоб было весело
загрустившей шалунишке.
Я хочу лучами радости
осушить твои слезинки.
Я готов взбежать по радуге
за одну твою смешинку.

Внучкино хозяйство

Внучкино смешное бормотанье
Слышится из детского манежа.
Там очередное воспитанье —
Голос то решительный, то нежный.

Слушают притихшие игрушки.
Очень справедливая хозяйка.
Строгость к провинившимся зверюшкам,
К маленьким цыплятам-забиякам.

Нежность — барабанщику и куклам,
Ласка — для подлизы Чебурашки.
Пупсика приходится укутать,
Песик добивается нанашки.

Хлопотное внучкино хозяйство,
Времени на игры не хватает.
Некогда за бабушку ей взяться.
Дедушка от внучки отдыхает.

Волк

Волк из лесу появился,
Волк в собаку превратился.
Он гуляет по проспектам
Петроградской стороны.
Он хвостом виляет деткам,
Очень ждет от них котлетку
Пребольшой величины.
Невнимательные детки
Не несут ему котлетки.
Кто-то криком провожает,
Кто-то палкой прогоняет.
Только маленькая Маша
Угостила волка кашей.
По заливку его гладит
И отлично с волком ладит.

Времена года

Живут в ладу четыре живописца,
Деля на всех один обширный холст,
И у мольберта, подчиняясь списку,
Поочередно занимают пост.

Тугой косой рисует вдохновенно
Истоки жизни юная Весна.
Журчат ручьи по вскрытым вешним венам
И журавли курлычут с полотна.

Стоят деревья в брачном одеянье,
Вплетают корни в локоны травы.
Во всей природе робкое желанье
Манит заветной гаванью любви.

Под пенье птиц уводят незаметно
В просторы Лета радуги-мосты.
Смывает ночь волною предрассветной
И дарит утро яркие цветы.

Вокруг места, знакомые до боли,
Волнует запах скошенной травы.
Зеленый лес обнял ржаное поле,
А рядом лен небесной синевы.

Таят деревья кольца годовые,
Но разве скроешь Осени следы.

И раздают земные кладовые
Людским трудом возвращенные плоды.

Осенний дождь смывает краски лета,
Его сменяет тихий листопад.
И кто-то вновь уходит от ответа,
А кто-то счастье ищет наугад.

На небе солнце радует нечасто
И росяница утром холодна,
И первый снег грунтует в одночасье
Цветной простор земного полотна.

Припал мороз холодными губами
К свинцовой глади сельского пруда.
Сверкает детство новыми коньками
И звонкий смех несется в никуда.

И ветер прав, весна не за горами.
Опять придет владыка вешних вод,
Опять земля расщедрится дарами,
Но это будет в следующий год.

Декабрьский день

Лениво солнце в день декабрьский,
Зенит напрасно встречи ждет.
Оно небесною дикаркой,
Таясь, над крышами плывет.

Его лучи холодным светом
Ласкают снега белизну.
И, сговорившись с вольным ветром,
Питают зимнюю казну.

Декабрьским днем и снег скрипучей,
И звонче смех у детворы.
Когда бесстрашно с горной кручи
Несутся снежные шары.

Детишкам холод не помеха
И ветром их не удивишь.
В морозец даже неумеха
Блеснуть умением норовит.

Дядя из МЧС

У Вовки Малкина в подъезде
живет сотрудник МЧС.
Со службы он в машине ездит,
и отдает детишкам честь.

В красивой форме ходит дядя,
он бодр и летом, и зимой.
К нему мальчишек так и тянет,
ведь он рассказчик неплохой.

Он знает множество историй,
в которых подвигов не счесть.
В которых люди с ветром споря,
несут спасительную весть.

Они ведут борьбу с пожаром,
спешат унять разливы рек.
И обладают божьим даром,
когда бессилен человек.

Мальчишки слушают рассказы,
горят глазенки у ребят.
И в сновиденьях видит каждый
в тех ратных подвигах себя.

Когда я вырасту большим...

Когда я вырасту большим, то стану моряком
И буду в море управлять военным кораблем.
Он понесется по волнам к далеким берегам.
И я, причалив к берегам, привет им передам.

Я шоколадом угощу и взрослых, и детей,
Девчонкам кукол подарю, а мальчикам зверей.
Еще машинки и мячи, коньки и самокат.
И каждый житель берегов подарку будет рад.

И будут люди всей Земли по-доброму дружить,
И на далеких берегах счастливей станет жизнь.
И на военном корабле я к дому поплыву,
Друзьям приветы передам, а маму обниму.

Лесное приключение

У старой бабушки — вещуньи
Был кот по прозвищу Проказник.
Он знал немало разных сказок
И был бы рад их рассказать,
Но злая, страшная колдунья,
В один из дней, испортив праздник,
Заколдовала вдруг кота,
А с ним и бабушку — вещунью.

И стали жить наш кот с вещуньей
В тиши, без праздничных речей,
Без тайн и сказочных ночей,
Без песен и гуляний шумных.
Хандра свалилась на округу,
Резвилось только воронье.
Забившись, местное зверье
Боялось хаживать друг к другу.

И только маленький ежонок
Из норки выбежал спросонок,
Протер глаза, прочистил нос
И задал злой Карге вопрос:
«Зачем вы всех заколдовали,
Зачем вы радость отобрали.
Не нужен нам безмолвный кот,
Нам нужен сказок хоровод».

Как разозлилась тут Карга,
Стрельнула взглядом свысока.
В ее ручищах кочерга
Ежонку целилась в бока:
«Ах ты, колючая пищалка,
Вот дам тебе железной палкой,
Тогда забудешь и слова,
И благородные дела».

Свернулся маленький ежонок
И покатился меж сосенок.
За ним Карга бежит вприпрыжку,
Грозит ежонку карой близкой,
Со злостью машет кочергой,
Достать пытается ногой,
Но тут спасительный уклон,
Ежонок мчится кувырком.

Карга застыла на пригорке,
Но сила злости велика,
Она несет колдунью с горки,
А под горой течет река.
Ежонку речка — не помеха,
Вот только б нос не замочить.
За ним колдунья — неумеха,
Шагнула в воду и мычит.

Понять легко ее мычанье,
Вода — заклятый враг Карги.
Она не моется годами,
Стирать белье ей не с руки.
Но злость подталкивает в воду,
Ведет в речной водоворот.

А есть совет — не зная броду,
Не лезь, найди сначала брод.

Кричит колдунья что есть духу:
Спаси, колючий, помоги.
Я твой совет готова слушать,
Кота клянусь разговорить.
И тут взбодрился наш ежонок,
Нашел канат на берегу,
Вздыхнул, напряг свои силеньки,
С трудом, но вытащил Каргу.

Карга с минуту лежала,
Потом очнулась и тикать,
Но зря, канатом обмоталась
Ее корявая нога.
Как ни упрямилась колдунья,
Пришлось ежонку угодить
Пришлось кота разговорить,
А с ним и бабушку — вещунью.

На небе тучи разошлись,
И солнце с неба улыбнулось
И снова в каждый закоулок
Пришла восторженная жизнь
И снова выпорхнули сказки
Из уст проказника кота.
И снова лес украсил праздник,
И весел стал и млад, и стар.

Майский дождик

Что за прелесть майский дождик,
что за звонкий перестук.
На асфальтовой дорожке
только слышно тук, да тук.
От такого перестука
просыпается земля.
И кусты от зимней скуки
отрекаются не зря.
Хором каркают вороны,
распушились воробьи.
Старичок цветастый зонтик
раскрывает без обид.
А мальчишкам и девчонкам
в этот час не до зонтов.
Месят лужи их ножонки.
Ну а ты месить готов?

Новый год

Елку из лесу забрали, привезли Антошке в дом.
Звездным блеском украшали, ватным пухом, сладким
льдом.

На макушку нацепили изумрудную звезду.
Дед Мороза разместили со Снегурочкой внизу.

Не боятся колких веток новогодние шары,
И фонарики готовы вызвать радость детворы.
Разноцветные гирлянды обнимают елкин стан.
Белоснежка ищет гномов без улыбки на устах.

Не печалься, Белоснежка, нынче праздник у детей.
И у взрослых нынче праздник, и у сказочных зверей.
Пусть проходит этот праздник без печали и невзгод,
Потому что в этом мире лучший праздник — Новый год.

Озорница

Столик, запачканный ромовой бабой,
Новый букварь без листа.
Скорчился мишка с оторванной лапой,
Рядом лиса без хвоста.

Брошена в угол красавица Барби,
Белочка ищет свой дом,
Лев завалился на спущенный шарик,
Коврик забрызган водой.

Кто же устроил такой беспорядок,
Кто же такой озорной?
Шустрая внучка, стоящая рядом,
Или пришелец какой?

Вздернутый носик, румяные щечки,
Розовый бантик торчком.
Хитро моргают глаза — уголечки,
Я, мол, совсем ни при чем.

Пищалкин

Войдя во двор соседской дачи,
Я вдруг услышал чей-то писк.
Писк раздавался из-под тачки,
Что тосковала у крапив.

Я осторожно наклонился,
Взглянул, а там, за колесом
Котенок-кроха притаился,
Зовет писклявым голоском.

Я взял Пищалкина на руки,
А он дрожит, как палый лист,
И издает мурлыки-звуки,
Глядит с опаской сверху вниз.

И, чтоб котенка успокоить,
Прижал Пищалкина к груди,
Погладил теплою рукою,
И нежно хвостик покрутил.

Пищалкин тут же выгнул спину,
Лизнул ладонь моей руки,
И из пушистых лапок вынул
Свои цапушки — коготки.

Ох, эти нежности котячьи,
Ох, эти ласки коготков.

Я поспешил с соседской дачи
В свой тихий дачный закуток.

И там уж я не растерялся,
Держись Пищалкин у меня.
И как котенок ни кусался
Его под душем вымыл я.

И вот, завернутый в простынку,
Дрожит Пищалкин и пищит.
А я принес с веранды кринку,
А в ней сметанка для души.

Котенок тут же востепенулся,
И носом шустро заводил,
Потом с дивана кувырнулся
И важно к кринке поспешил.

Достать пытается сметану,
Но ростом мал Пищалкин мой.
Котенка мучить я не стану.
Большое блюдечко за мной.

Как ловко пробует сметану
Его шершавый язычок.
Не слышно в комнате пищанья,
А слышно только чмок, да чмок.

И вот уже пустое блюдце,
И глазки хочется закрыть.
Как надоели эти люди
Своим желанием игры.

Как надоели эти руки
И эти ласки ...муры-мур.
Уткнулся нос в живот упругий.
Пищалкин, кажется, заснул.

Почему?

Почему у кошки глазки,
а у коршуна глазищи?
Почему у белки лапки,
у царя зверей лапищи?
Почему осенним утром
облака плывут по небу?
Почему в ненастье хмуро,
а зимой бело от снега?
Почему лесные звери
не резвятся на опушке?
Почему входные двери
тарабнят, как хлопушки?
Почему Зимин Алешка
не дает играть в игрушки?
Я бы дал ему немножко
откусить от вкусной груши.
Почему, мям-мям, Наташка,
мям-мям-мям, меня ругает,
А, мям-мям, Ветлугин Сашка,
мям-мям, Петку обнимает?
Наконец от вкусной груши
только хвостик и остался.
Да и мы с вниманьем слушать
Почемучку подустали.

Разговор с мамой

Мама, что такое счастье?

Счастье — это новый день,
Еще нетронутый ненастьем,
Людское доброе участие,
Уют родимых, теплых стен.

А что ж тогда считать несчастьем?

Несчастьем, сын, считают зло,
Что рвет доверие на части,
Плодит с лихвой людские страсти,
Стихий планетных ремесло.

А как же сделать мир счастливым?

Дружи с добром, не делай зла,
Не будь заносчивым, пугливым,
И помни, только справедливым
Доступны добрые дела.

Снегири

Что-то солнце разъярилось,
светит ярко, но не греет.
Снегири развеселились,
ближе к людям прилетели.
Важно выпятили грудки,
восседают на деревьях.
И манят своих подружек
яркокрасным опереньем.
К припорошенным окошкам
приросли носами дети.
Им дойти до местной школы
не дает холодный ветер.

Туман

Туман прижал траву,
пускает слюни-росы.
Приходит с пеньем птиц
серебряный рассвет.
В излучине реки
звенят стальные косы,
А где-то за рекой
ревет в лесу медведь.
Настойчивый рыбак
следит за поплавками,
Ругает про себя
настырных комаров.
Ленивая плотва
играет червяками,
Конфузя рыбака
нехитрою игрой.
От солнечных лучей
туман спешит в овраги,
Цепляясь бахромой
за низкие кусты,
Не хочет отдавать
загнившие коряги,
Не хочет отдавать
сырую тень листвы.
Но солнце не унять,
оно широким жестом
Смахнуло с трав росу.
Затихли косари.

Рассерженный туман
укрылся в темном месте,
Чтоб с вечера владеть
около до зари.

Усатый кит

Большой усатый кит
по озеру рулит.
Откуда вдруг на озере
большой усатый кит?
Сбежались тут на озеро
лихие рыбаки.
Разводят руки, охают,
ведь мы ж не чудаки.
Ловили здесь подлещиков,
плотвичек и лещей.
Ловили даже дюжину
предметов и вещей.
Но чтобы кит привиделся
на кончике крючка.
Такого даже прадеды
не видели в века.
Пока они судачили,
вели бесцельный спор,
Усатый кит обиделся,
уплыл за косогор.

Хомячок

Нельзя же быть таким чистюлей,
Зачем мыть мордочку весь день.
Я говорю своей бабуле,
Что мне так часто мыться лень.

Вот если вкусненькое кушать,
То я готова, как хомяк.
Люблю я яблоки и груши.
Мне в радость манго и хурма.

Еще хочу арбуз и дыню,
Черешню, вишню, алычу.
Хочу компот, когда остынет,
Бруснику с клюквою хочу.

Не откажусь от винограда,
И от гранат не откажусь.
А вот лимона мне не надо.
Он очень кислый, прямо жуть.

Еще люблю я, кроме фруктов
Конфеты, торт и шоколад.
Мои испачканные руки
Готовы вкусненькое брать.

Оглавление

В общении с природой	3
Стрижет мороз...	5
Снежная идиллия	6
Белый снег, пушистый	7
Дуновение зимы	8
Зима	9
Долгожданный снег	10
Тучка моя снежная...	11
Зимою солнце...	12
Тайфун «Святой Иуда»	13
Декабрь 2005	14
Декабрь	15
Декабрьский мороз	16
Непредсказуема зима...	17
Предновогодний ажиотаж	18
Рождественская ночь	20
Январская оттепель	21
Январская слякоть	22
Январское признание	24
Метелица	25
Дуют ветры...	26
Ветер	27
Зимняя песня	28
Унылый февраль	29
Затяжная зима	30
Дуновение весны	31
Прошу сегодня я весну	32
Ранняя весна	33
Распахнись душа	34
Мартовский мороз	35
Непогодь	36
Апрельский снег	37

Весенняя капель	38
Весна и одиночество	39
Весеннее половодье чувств	40
Нас сманила цветами весна	41
Весенний разбег	42
Весеннее возбуждение	43
Весеннее венчание	44
Дождь прошел	45
Солнечный пейзаж	46
Солнечный день	47
Жара в Петербурге	48
А лето уходит	49
Петербургский дождь	50
Перед заходом солнца	51
По грибы	52
Бесчувственная осень	53
Осеннее танго	54
Осенний ветер	55
Мы вошли в листопад	56
Осенняя грусть	57
Осень бросается листьями... ..	58
Осень прослезилась	59
Неоднозначная осень	60
Осень в Горелово	61
Город Павловск	62
Цвет зари у осени	63
Бабье лето	64
Перед заходом солнца	65
Уводит в осень	66
Созвездие чувств	67
Ах, как хочется	69
Береги любовь	70
О, господи!	71
Боготворю я женщину	72
Моим любимым женщинам	73
Мой милый автор	74
Мой нежный ангел	75

В Сокольниках	76
Даритель счастья бескорыстный...	77
Елене	78
Я не знал...	79
Я не умел...	80
Когда придет к тебе любовь	81
Любимой	82
Любовь	83
Любовь и ненависть	85
Любовь, которую я ждал	86
Мечта сбудется	87
Тебе я песен не допел...	88
Тебя я не увижу...	89
Зов	90
Колючка	91
Прости...	92
Тебе	93
Из разговора с другом	94
Житейский календарь	95
Конечно, жаль...	96
Китайский синдром	97
Зависть	98
Бы-бы	101
День юмора	102
Маслена неделя	103
Теремок	105
Охолонусь водицей ключевой...	106
Диета	107
Молодость	108
Прекрасное видение	109
Сила любви	110
Татьяне Снежиной	111
Расставание	112
Твои глаза	113
Театр теней	114
Судьба	115
Побудь со мной	116

Позови меня	117
Я б любил тебя Москва	118
Разлука	119
Скорый разлучник	120
Разрыв	121
Скучаю я... ..	122
Скучение	123
Я брежу	124
Я все перенесу	125
Я жду тебя	126
Я зря... ..	127
Скажи мне, друг	128
Послушай, милая	129
Свидание	130
Милый образ	131
Утреннее пробуждение	132
Ты — мой бог	133
Ты и я	135
Эх, душа моя... ..	136
Спасибо, милая	137
Узник любви	138
Уйди	139
Что ж ты... ..	140
Почему... ..	141
Тоска	142
Преображение	143
Счастье	144
Свидание с Музой	145
Ты меня не мучай	147
Карты — картишки	148
Последний вечер года	150
Встреча	151
Постой, не уходи	152
Срываю розы я... ..	153
Приглашение	154
Любовь и море	155
Тревога	156

Чтоб что-то доказать	157
Ушла	158
Я потерял	159
Банька	160
Только миг	162
Говорила мне маманя...	163
Я умоюсь	165
Да, черт с ним	166
Эй, цыганочка	167
На площади Искусств	168
Благовест во Владимирской церкви	169
Верное средство	170
Гнедая	172
Любовь и время	173
Нева	174
Ваш взгляд	175
Метель	176
Неподкупная красота	177
Дурной сон	178
Ах, ты, милая проказница...	179
Чего хочу?	180
Ах ты, птенчик черноглазый...	181
Подошла электричка...	182
Порыв	183
Бег времени	184
Наше время...	185
Не могу я жить...	186
Не мое это время...	187
Нельзя корить...	188
Ночная темница	189
Ночь	190
Ночь любви	191
Ну что ж ты...	192
Охлаждение чувств	193
Письмо	194
Недотроге	195
Милая моя	196

Кафе любви	198
Кураж	199
Ты спишь	200
Южный роман	201
После банкета	203
Блудливый пес	204
Монолог шлюхи	205
Ох, уж этот маркетинг	206
Лягушка и выдра	207
Сова и дятел	208
Глухарь	209
Старый ручей	210
Безрассудный роман	212
Не хочу	213
Воспоминания	214
В Африку	215
Дождь в Тунисе	216
Мой бог	217
Владимиру Высоцкому	219
Поэту и гражданину	220
Поэт и ювелир	222
Когда же?	223
Халява	224
Инстинкт	225
Бесовщина	226
Простите нас	227
Мир... ..	228
В нас что-то есть	229
Символы Руси	230
Двадцать одно	232
Славяне... ..	236
Террору нет	237
Утро на Неве	238
Россия моя... ..	239
Стук сердца	240
Старость	241
Я когда-то... ..	242

Моя весна уж отзвенела...	243
Мой родной Петербург	244
Малая родина	245
Ярославна	246
Мой Ярославль	247
Для детей	249
Моя радость	251
Сашульке	252
Волчок	253
Попрошайка	255
Вот так да	257
Волшебный ящик дяди Феди	259
Ябеда-карябеда	260
Божия коровка	262
Буква «Р»	263
Весна	264
Весточка	265
Внучке	266
Внучкино хозяйство	267
Волк	268
Времена года	269
Декабрьский день	271
Дядя из МЧС	272
Когда я вырасту большим...	273
Лесное приключение	274
Майский дождик	277
Новый год	278
Озорница	279
Пищалкин	280
Почему?	283
Разговор с мамой	284
Снегири	285
Туман	286
Усатый кит	288
Хомячок	289

Георгий Скрипкин

Жизненные отголоски